

Сергей Герасимов

Бескровная охота

Сергей Владимирович Герасимов
Бескровная охота

Авторский вариант
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156351

Содержание

Глава первая: Планета Бурь	4
Глава вторая: Помощник повара	22
Глава третья: Стандартизатор.	39
Глава четвертая: Микросферы	55
Глава пятая: Сгусток ужаса	73
Глава шестая: Охотник	92
Глава седьмая: Донос	109
Конец ознакомительного фрагмента.	127

Сергей Герасимов

Бескровная охота

Глава первая: Планета Бурь

Последние шесть месяцев Виктор работал на фармацевтической фабрике. Он всего лишь вкладывал маленькие, по пять миллилитров, бутылочки в картонные коробки и проверял наличие одноразовой пипетки и инструкции к лекарству. Лекарство называлось «Гериа́м» и пользовалось большим спросом, в основном у стариков. Постоянное употребление Гериама продлевало жизнь лет на двадцать или на тридцать. Это по расчетам. На самом деле ведь никто не знал, на сколько – пятнадцать лет назад о Гериаме еще никто не слышал, и ни один из пациентов пока не успел умереть от старости. Разве что от болезни или от несчастного случая. Первые пациенты, принимающие Гериам, уже перешагнули столетний рубеж, чувствовали себя бодрыми, здоровее, чем в восемьдесят, отплясывали на своих именинах и умирать ни капельки не собирались. Напротив, некоторые собирались жениться и утверждали, что будут жить вечно. Медицина такой возможности не исключала – ведь Гериам до сих пор оставался загадкой для химиков и фармацевтов. А варили это чудесное средство из особенных грибов, кото-

рые росли на некой дальней, весьма ветреной планете. Там и больше нигде. Так что стоила пятимиллилитровая бутылочка Гериама очень недешево.

На работе Виктор прилично уставал, в основном от скуки. Работа его была легкой и, как и большинство работ в современном насквозь автоматизированном мире, совершенно бесполезной. Но ведь нужно же чем-то кормить и во что-то одевать миллионы людей, не имеющих квалификации, да и не желающих ее иметь, не желающих совершенно. Платили, само собой, немного, как раз столько, чтоб не умереть с голоду. Плюс, чтоб купить всякую приятную мелочь, раз в год съездить на отдых или заказать крутое виртуальное путешествие, недели на две. Допустим, хватало еще и на то, чтобы раскупорить бутылочку или другую вечером в субботу, посидеть с друзьями и потрепать языком. Ничего больше. Дома Виктор хранил сбережения в размере шестисот у е. – но то был запас на крайний случай. Ни одной уешки к запасу не прибавлялось вот уже два года. А друзья были все новые, все с фабрики, и разговоры велись больше скучные, с фармацевтическим уклоном.

В один из субботних вечеров Виктор разговорился с парнем из соседнего цеха. Парень имел прозвище Дыба, был высоким, рыжим, мускулистым и носил короткую бородку. И Дыба предложил дело.

– Почему я? – спросил Виктор.

– Да так.

– Да так не бывает. Хочешь разговаривать, давай, колись.

Почему я?

– Понравился ты мне.

– Брехня, – вяло парировал Виктор и отвернулся.

Дыба обнял его за плечи и наклонил голову к уху.

– Я говорил с другими. Никто не хочет.

– Понял. Сколько можно заработать?

– Много. Очень много.

Виктор смотрел на весело отплясывающих толстых баб. Милые элфантины с ямочками на щечках. Почему-то в этой кафешке девочки всегда в два обхвата, – подумал он. – Не поймешь, веселятся ли они, или просто сгоняют лишние килограммчики. «Я блатная, ты блатной, ты парнишка заводной», – пищала модная солистка с детским голоском. Как же называется эта группа? Ну, черт, вылетело из головы.

– Много – это не разговор, – возразил Виктор, не поворачивая головы.

– Будет зависеть от тебя. Никакой уголовщины. Просто работа.

– Так я тебе и поверил, говорю сразу. Что надо делать?

– Смотаемся за грибами, – сказал Дыба.

Конечно, речь шла не о простых грибах. О тех грибах, из которых делают лекарство. Виктор знал, что за каждый целый гриб платят по тысяче двести ушек, а за куски, разумеется, поменьше. Новая партия грибов прибывала на фабрику каждые два дня. Собирали грибы в особенных, много-

этажных лесах, совершенно не похожих на земные, на планете Тейзг-4, больше известной как Планета Бурь. Занимались этим делом в основном слепые, потому что грибы росли в крошечной тьме. Леса Планеты Бурь были ядовиты и поэтому после нескольких лет грибной охоты слепые умирали, если только не успевали вовремя завязать. Это было почти как урановые рудники двадцатого столетия.

– Я пока жить хочу, – ответил Виктор.

– От одного раза с тобой ничего не станется.

– За один раз мы много не возьмем.

Проблема была в том, что в темных лесах планеты росло множество грибов, которые внешне отличались лишь по цвету. Для лекарства годились только красные и красно-оранжевые. Все остальные можно было просто выбросить. Но слепые не различали цветов. Из сотен собранных грибов в лучшем случае за один можно было получить деньги. Бывало и так, что грибнику приходилось заходить в лес десятки раз, прежде чем он приносил один-единственный стоящий гриб. Так что, это мало походило на выгодный бизнес.

– За один раз мы возьмем столько, что хватит на всю жизнь, – сказал Дыба, – я знаю как.

– И как же?

– Пока секрет. Расскажу тебе на месте. Я не хочу, чтобы ты использовал мою идею без меня.

– Меня всегда интересовало, – сказал Виктор, – почему этим занимаются только слепые.

– Потому что грибы приходится собирать на ощупь. Они ползают по земле и ощупывают пальцами каждый лист. У слепых гораздо лучше осязание, чем у нас с тобой. Вот они и собирают больше грибов. А с другой стороны, им же нужно на что-то жить. Три дня полета в один конец. Каюту оплачиваю я. В оба конца. Отдашь потом, когда получишь деньги. В лес войдем только один раз. На сколько потянет полная корзина красных грибов? А?

И он дружески хлопнул Виктора по плечу.

– Только один раз, – сказал Виктор. – Смотри, урод, только раз. Если попробуешь обмануть...

– Да ладно, расслабься, – сказал Дыба и отошел к ближайшей толстухе.

Группа называлась «Отфонарная звезда», – вспомнил Виктор, наконец. – На этой неделе она потеснила в чартах «Папашкиных девчонок», те устроили дикий скандал в прямом эфире и пообещали поменять себе название на более крутое. Сплошная скука и бред, как и все на этой скучной и бредовой планете под названием Земля.

Планета Бурь не зря называлась так. Здесь не переставая дули такие ветры, перед которыми приличный земной ураган показался бы легким сквозняком. От космопорта к лесу вели две колеи зубчатой дороги. Дорога была рассчитана так, что зубцы колес намертво сцеплялись с зубцами рельса, и никакой ветер уже не мог повалить, оторвать или поднять

в воздух вагон с людьми.

Вместе с ними в вагончике ехали человек двадцать слепых. Большинство из них имели впалые глаза, покрытые кожей век. Но не все. Здесь слепые не носили черных очков. Здесь они даже гордились своей слепотой и с пренебрежением относились к двум зрячим недоумкам.

– Смотри, какие у него глаза, – сказал Виктор о пучеглазом старике, сидящем напротив.

– Зеленые, – ответил Дыба. – Они становятся такими после лесов. Чем дольше они собирают грибы, тем сильнее зеленеют глаза. Отравление организма. Они постепенно тупеют и утрачивают рефлексy. Смотри, сейчас он даже не реагирует на то, что мы говорим о нем. Он уже превратился в гриб. Когда они, наконец, умирают, их глаза становятся изумрудного цвета. С нами этого не случится. Никто не травится после первого раза, это я гарантирую.

Слепой старик слушал радио, желтую волну. Волна передавала, что «Папашкины девчонки», наконец-то придумали себе новый имидж, но пока все держат в секрете, и обещают, что это будет бомба. После музыкальных новостей передали, что Сфинкс сожрал сегодня еще двоих претендентов, не сумевших разгадать загадки. Сфинкс был одним из многих современных экстремальных развлечений. Уже давно наступил век изобилия. Для того чтобы прожить, достаточно работать на самом дрянном месте всего два или три часа в день. У людей уйма свободного времени, поэтому им нужно

развлекаться. Жизнь превращается в сплошное шоу. И, чем дольше живешь этой жизнью, тем сильнее хочется куда-нибудь сбежать, куда угодно, хотя бы в леса.

Леса Планеты Бурь были особенными лесами. Никакое дерево не смогло бы выдержать столь сильного ветра. Леса зарождались в котловинах, там, где ветер был не таким мощным. Все семена прорастали одновременно. Ростки держались корнями друг за друга. Когда ростки пускали первые ветви, эти ветви переплетались, связывались, схватывались и срастались на высоте примерно трех метров – и образовывали первый этаж. Сцепление ветвей было таким сильным и плотным, что песок и камни, наносимые ветром, вскоре образовывали свежий слой почвы поверх яруса ветвей. Затем стволы росли выше и создавали новый этаж переплетенных веток. И на него ложился новый слой камней. Так лес постепенно поднимался из котловины навстречу настоящему сильному ветру. Но лес был так прочен, что никакой ветер не мешал ему расти. Старые леса имели больше двадцати этажей. Ветви верхнего этажа постоянно образовывали тучи мелких семян, которые уносились ветрами на многие тысячи километров. Так леса расселялись по планете. На всех этажах царил тьма. Все этажи, кроме нижнего, были мертвы. Никаких животных, никаких птиц, никаких насекомых и червей. Лишь на поверхности почвы, настоящей почвы, росли грибы. Они росли, засыпанные многочисленными чешуйками отмирающей коры, и потому найти их было не

так просто. Грибы вырабатывали вещество, продлевающее жизнь деревьев. Ведь настоящий многоэтажный лес вырос за несколько тысячелетий. Гибель всего лишь одного дерева могла бы обернуться трагедией для всего леса. Поэтому грибы поддерживали жизнь. Оказалось, что некоторые из них могут поддерживать и жизнь человека.

Вагончик остановился, и люди вышли широкий стеклянный тамбур. Слепые двигались с привычной уверенностью, помня расположение каждого предмета. Вблизи лес был совершенно непохож на лес. Просто поверхность, просто почва, усыпанная перекатывающимися под ветром камнями, каждый величиной с футбольный мяч. Из-под камней торчали короткие массивные стрелы стволов, каждый в человеческий рост или чуть больше. Рядом – шахта, уходящая на нижние этажи, к самым корням многоэтажного леса. Этот лес был старым; он имел двадцать четыре этажа.

Они забрались внутрь сквозь узкую пещерку. На ощупь почва напоминала песок.

– Лес большой? – спросил Виктор.

– Километров сто пятьдесят в каждую сторону.

– Они не боятся заблудиться?

– Они привыкли жить в темноте. Они же слепые. Они ориентируются иначе.

– Что твоя идея?

– Все в порядке с ней. Скоро увидишь.

– Почему бы не проложить сюда электрический кабель? –

сказал Виктор. – Здесь бы не помешало освещение.

– Это бы нарушило экологическое равновесие.

– Так серьезно? Это что, нас так сильно волнует?

– Я слышал разные разговоры на этот счет, – сказал Дыба. – Но, кажется, дело обстоит вроде бы так. В почве полно семян. Как только они почувствуют свет, то начнут расти с бешеной скоростью. Они так запрограммированы. Для них свет означает, что ветер сумел повалить одно или несколько деревьев и, значит, весь лес в опасности. Они растут, чтобы срочно запечатать образовавшуюся дыру. Они же не знают, что дыры нет, что это просто наши лампы. Короче, стоит включить свет, и из почвы начнет подниматься новый молодой лес. Тогда о грибах уже и разговора нет. Не знаю, возможно, новый лес начнет разрушать старый. Это будет как будто злокачественная опухоль. Во всяком случае, бескровной охоте придет конец.

«Приглашаем всех желающих принять участие в бескровной охоте» – было написано на внутренней стене кабинки. Бескровной охотой здесь называли собирание грибов. Слепые сбились в плотную кучу, держали друг друга за локти и негромко перегугукивались друг с другом, болтая о чем-то своем. Двое зрячих стояли отдельно.

– А что, если люди выберут все грибы? – спросил Виктор, – что будет с лесом? Он пропадет?

– Наверняка. Но не сразу. Грибов пока много, хотя возле леса уже сотни шахт. И на краю леса грибов действительно

стало меньше. Поэтому мы пойдем сразу в глубину, и будем охотиться там. Даже если мы выберем все грибы, и лес начнет гнить – на планете еще очень много таких лесов. На наш век хватит. И еще на много веков вперед. Поэтому никаких ограничений. Бери побольше и тащи. Сколько сможешь.

– Откуда ты все это знаешь?

– Однажды сидел вместе с грибником. Шесть месяцев за попытку ограбления. Так, какая там попытка, просто по пьянке. Тогда мне все и рассказали. Во всех подробностях.

В этот момент кабинка остановилась. Они успели опуститься всего на несколько этажей: клочок неба еще виднелся вверху, исчерченный быстрыми струями песка и мелких камней.

– Что это? – спросил Виктор.

– Завал на верхних этажах. Обычное дело. Как только очередной этаж скрывается под землей, ветки начинают работать. На них есть что-то вроде ворсинок, которые вибрируют и заставляют камни скатываться. Поэтому вокруг лесов образуются огромные терриконы камней. Ну, ты видел. Если бы лес не очищался, никакие стволы не смогли бы выдержать такого веса. Это же тысячи тонн на каждое дерево. Поэтому шахты периодически забиваются. Но это только на верхних этажах. Дальше пойдет гладко.

Дальше и на самом деле пошло гладко. Вскоре кабинка спустилась до самого низа. Слепые почти не разговаривали, только перебрасывались иногда отдельными словами на сво-

ем профессиональном наречии. Около часа Виктор и Дыба шли за ними, след в след. Потом Дыба свернул.

– Ты уверен, что мы найдем дорогу назад?

– Уверен. Я воткнул в песок такую маленькую штучку. Радиомаячок. Воткнул в стороне от тропы, чтобы никто не наступил, не дай бог.

– А если она перестанет работать?

– Она не перестанет, – жестко сказал Дыба. – Иди за мной.

– У нас ведь нет грибных ножей.

– Будешь рвать руками.

– Так можно сильно повредить грибницу.

– Здесь никого не волнует, повредишь ты грибницу или нет, – сказал Дыба. – Ты должен просто забрать побольше и уйти. Хватай и убегай. Экологический контроль сюда пока не добрался, уясни себе раз и навсегда. Это не Земля. Кстати, здесь уже полно мусора. Это я тебе говорю, чтобы ты не удивлялся. Слепые постоянно режут пальцы о битые бутылки, которые сами же и бросили здесь.

Они шли еще не меньше часа. Затем Дыба остановился.

– Все. Пришли. Будем собирать здесь.

– В чем состояла твоя идея?

– Фонарик, – сказал Дыба, – просто фонарик. Это гениально, правда?

– Но ты сам говорил, что здесь нельзя включать свет.

– Мало ли что я говорил? Когда мы включим фонарик, семена начнут прорастать. Они будут расти быстро, но я не

думаю, что они вырастут быстрее, чем за час или два. У нас будет время, чтобы набрать полную корзину красных грибов. Конечно, придется поторопиться. Каждая секунда будет стоить больших денег.

– А что потом?

– Потом я бросаю фонарик здесь, и мы бежим на маяк. Мы уйдем, и никто ничего не докажет. Потому что фонарик никогда не найдут. Зато грибы будут у нас.

– Ты убьешь этот лес, – сказал Виктор.

– Или я, или кто-то другой. С западной стороны уже вкапываются япошки. Пятьдесят новых шахт. Вскоре от этого леса ничего не останется. А раньше или позже, – какая разница? Тебя так волнует этот лес?

– Ни капельки не волнует, – ответил Виктор. – Но я боюсь. Боюсь, что не все так просто. Вдруг этот лес умеет защищаться? Что, если мы разбудим кого-нибудь?

– Ты или бредишь, или начитался фантастики, – сказал Дыба, – здесь нет никого и ничего. Здесь никто не может жить. Это просто такая большая и вкусная штука, которую люди постоянно высасывают, и которую мы успеем высосать раньше других.

И он включил фонарик.

Стволы стояли как короткие могучие колонны, каждый в три обхвата толщиной. За ними оставалась все та же непроглядная смоляная тьма. Передние стволы казались совсем белыми и будто седыми, следующие – темно-коричневыми,

а те, что за ними, едва угадывались по особой неравномерной и будто бархатной черноте. Полная неподвижность, такая, какая могла бы быть на дне десятикилометровой океанской впадины. Да, было в этом нечто подводное, глубинное – особое состояние пространства, невозможное, невероятное на поверхности; отсутствие детали – вот что это было, отсутствие мелкого постоянного бестолкового движения, какое отличает знакомый нам мир. Этот мир был будто отлит из черного стекла или вырублен из черной базальтовой глыбы. Они подняли глаза к потолку.

– Что это? – выдохнул Виктор.

Потолок был невысоким, метра три или три с половиной. Он не состоял из ветвей. Он вообще не был деревянным. Это была гладкая, местами искривленная, зеркальная поверхность, явно искусственного происхождения. Тут и там из потолка торчали штуки, напоминающие электрические платы и разъемы; разноцветные провода пучками расходились во все стороны. И прямо над их головами левитировали в воздухе две желтых полусферы, напоминающие земные спутниковые тарелки, лишь сильнее выгнутые.

– Они короткофокусные, – сказал Дыба, – они настроены прямо на наши головы. Господи! Не может быть!

– Чего не может быть?

– Люди думают, что они высасывают этот лес. На самом деле лес высасывает их! Эти инвалиды с зелеными глазами – лес высосал их мозги! Он приманивает нас грибами и охо-

тится на нас! Это ЕГО бескровная охота!

– Что он у нас берет?

– Откуда я знаю? Что-то важное, раз люди начинают умирать уже через несколько лет. Люди тупеют, теряют рефлекс и, наконец, умирают. Он высасывает что-то важное из нашего мозга.

– И его совершенно не волнует, выживем мы после этого или нет, – сказал Виктор, – он просто хватается все, что успеет. Что это?

Они оба повернулись на звук. Они не были уверены, что им не показалось.

– Может быть, упала какая-то чешуйка. Ты видишь что-нибудь?

– Нет.

– Я тоже нет.

Дыба сделал шаг, и желтая полусфера над его головой передвинулась. Она беззвучно следовала за ним, как привязанная невидимой нитью. Сейчас она стала менять цвет: из желтой она становилась оранжевой. Дыба остановился. Свет фонаря отражался от вогнутостей на зеркальном потолке и хорошо освещал его лицо. Виктор видел, как меняется цвет его глаз. Из карих они стали серыми, потом голубыми, потом стали зеленеть. Человек стоял неподвижно, словно парализованный. Вместе с естественным цветом из глаз уходил и разум, и жизнь. Теперь это уже были глаза идиота – еще немного, и они погасли. Но процесс продолжался. Дыба

сморщился и уменьшился в размерах. Кожа на его лице обвисла складками. За несколько секунд лес высосал человека до дна, до последней капли. Лес? Но это был не лес. Это было искусственное сооружение, огромное устройство, поставленное здесь для бескровной охоты на людей. Поставленное кем? Каким чуждым и безжалостным разумом?

То, что только что было человеком, повалилось в древесную труху, из которой уже выглядывали зеленые острия свежей поросли. Мертвый Дыба все еще держал в руке фонарь, и фонарь был направлен вверх, образуя шатер рассеянного света. В этом свете Виктор увидел, что тьма между стволами не пуста. Там, примерно на высоте человеческих плечей, быстро двигались длинные мясистые ленты с маслянистым блеском. Ленты передвигались, обматываясь вокруг стволов, быстро, как растянутые резиновые шнуры. Каждая лента была шириной с тетрадный лист. Обмотавшись вокруг одного ствола, лента выстреливала толстый конец к другому и перепрыгивала на другой. Они приближались. Виктор выхватил фонарь из рук лежащего и швырнул в ту полусферу, которая неподвижно висела над его головой. Последовало что-то, напоминающее электрический разряд, и стало темно. Виктор присел на корточки и на ощупь снял наушники с пояса Дыбы. В наушниках был тихий равномерный треск: маячок.

Все-таки это было техническое устройство. Довольно тупое техническое устройство, раз оно позволило Виктору уйти. Видимо, автоматика просто среагировала на фонарь в ру-

ках человека. Человека без фонаря она не тронула. Так думал Виктор до тех пор, пока не вошел в каюту корабля, отправляющегося в обратный рейс. Он вошел и закрыл за собой дверь. Закрыл за собой дверь и обернулся. На противоположной стене висела знакомая желтая полусфера. Виктор рванул дверь, но она не открывалась. Эта полусфера была гораздо меньше той, что вела его в лесу. Но это была она.

В одну из суббот он, как обычно, сидел в кафе и пил пиво. Сегодня он рассказал свою историю незнакомому человеку, который подсел к его столику. Просто так – взял и рассказал. Первый раз за два месяца. До сих пор он держал рот на замке.

– И что же было дальше? – спросил незнакомец.

– Дальше мои глаза уже успели стать серыми. Они серые и до сих пор. Я бы пропал, если бы дверь каюты не открыли снаружи. Какая-то бюрократическая формальность, связанная с отсутствующим пассажиром. Билет есть, а пассажира нет. Они хотели узнать почему. И они увидели эту штуку. Не могли же они ее не увидеть. Она была маленькой, но когда ее отодрали от стены, оказалось, что весит она четыреста килограмм. Она так грохнулась, что чуть не провалила пол. Ее у меня забрали, решили, что я перевозю некоторое сложное техническое устройство, которое не задекларировал при посадке. Как будто бы я мог пронести с собой устройство в четыреста килограмм веса. Эту желтую тарелку я больше не увидел. Зато я увидел счет, который прислали мне за пере-

возку лишних четырех центнеров груза. Этот счет слопал все мои сбережения, до последней ушки. Но я не расстраиваюсь. Если бы не это, мои глаза уже давно бы стали изумрудно-зелеными. Ведь этот лес не должен был меня отпускать, понимаешь, не должен. Я же знаю правду и могу ее рассказать. Тогда люди перестанут приходить в лес.

– Или не перестанут, – тихо сказал незнакомец, пристально глядя в его голубые глаза.

– Или не перестанут. Но все-таки, опасность есть. А они меня отпустили. Я все ждал, что они меня достанут здесь, на Земле. Но, кажется, мне это сошло с рук. Слепые вытащили из лесу тело моего напарника. С ним было все ясно: несчастный случай, производственная травма. Меня пораспрашивали немного и отпустили. Я никому не говорил правды. Никому до сих пор. Ты первый. У тебя хорошие глаза.

– У тебя тоже, – сказал незнакомец.

Сейчас глаза Виктора стали изумрудно-зеленого цвета.

– Эй! Что такое? – Спросил незнакомец и легонько шлепнул Виктора по щеке.

– Так. Плохо чувствую. Я пройдусь.

Он встал, пошатываясь, и пошел к выходу. Вышел, остановился, постоял минуту, освещенный яркой мигалкой цветочных гирлянд, и упал на спину. Незнакомец заглянул под стол, где стояла прикрепленная к его чемоданчику желтая полусфера, сложил прибор и защелкнул замок. Потом поднялся и вышел из кафе, не оборачиваясь.

Кафе закрывалось в три часа утра. А в три пятнадцать уборщица обнаружила под столиком оставленный чемоданчик – такой тяжелый, что восемь мужчин не смогли оторвать его от пола.

Глава вторая: Помощник повара

Его смена закончилась в два, но он не спешил домой. Он вообще редко куда-нибудь спешил. Обычно он переодевался, выходил в зал, садился за столик и расслабленно смотрел, как толстые бабищи в белых кофтах пьяно выплясывают под дурацкую музыку. В зале было так накурено, что белые кофты казались голубыми. Почему-то под конец в кафе танцевали только толстые бабы. Может быть, потому, что всех нормальных мужики уже разобрали и растащили по домам. А эти еще на что-то надеются.

Одна из толстух взгромоздилась на его столик.

– Девочка, не загораживай свет, – сказал он.

– Ты хочешь сказать, что я толстая?

Он криво усмехнулся.

– Я хочу сказать, что я хочу спать.

– Вот и прекрасно. Я тебя провожу.

– Я не любитель бегемотов.

– Каждый имеет право быть толстым.

– Конечно, – сказал он, – каждый имеет право быть толстым, грязным, больным и глупым. Проваливай.

Толстуха отправилась отплясывать дальше. Столик в дальнем конце зала, у искусственной пальмы со стеклянным светящимся попугаем, привлек его внимание. Там разговаривали двое мужчин. На деловых людей не похожи, да и де-

ловые не решают свои дела в два часа ночи – такие приходят днем, и их легко отличить по особой холодности жестоких лиц. Было в этой парочке что-то необычное, и ему никак не удавалось понять что. Он отхлебнул еще пива и задумался. Не потому что любил, умел или привык думать, а потому что пьяная мысль зацепилась за тех двоих, как рукав за гвоздь. Вот. Вот оно. Тот, что поменьше и в пиджачке, что-то поставил под стол. Похоже на портфель, из которого торчат цветы. Конечно, отсюда не разглядишь.

Минут через двадцать один из них встал из-за стола. Кажется, он был сильно пьян. Или не пьян, или принял на грудь что-то покруче. Его проблемы. Пошел к выходу, едва не упал на ступеньке. Постоял и грохнулся в темноту. Пьяные так не падают. Это точно, на пьяных здесь насмотрелись, могут отличить одно от другого. Тот, который в пиджачке, тоже встал и пошел к выходу. Исчез в темноте улицы. Чемоданчик остался под столом.

Алекс по прозвищу Пингвин работал в кафе помощником повара. Ему было двадцать девять. Семьи он не имел, никаких обязательных дел вне работы – тоже. Разве что гулять с собакой – огромным старым ротвейлером, доставшимся ему в наследство от дяди. Дядька умер три года назад, от туберкулеза, который подхватил в лагерях. Собака так толком и не приняла нового хозяина. Так что Алекс Пингвин обычно сидел в кафе до упора, наливался дешевым пивом, а потом шел домой и заваливался спать. Итак, чемоданчик-то остал-

ся. Может быть, это бомба. Скорее всего.

С мыслью о бомбе Пингвин положил голову на руки и закрыл глаза. С закрытыми глазами он мог отчетливо видеть хвост последней мысли, той самой, на букву «б»; хвост вращался по кругу против часовой стрелки. Это означало, что он спит. Почему бы и не поспать? – подумал он. Он любил это состояние свободы, вседозволенности самому себе – когда можно делать все, что придет в голову, и все окажется правильным. По крайней мере, нормальным. Он никогда никуда не стремился, ничего не добивался, никому не завидовал и не пытался украсть ничего большого, в отличие от большинства своих знакомых. Он просто делал первое, что приходило в голову, и был счастлив этим. Сейчас он спал.

Вскоре его разбудили.

– Пингвин, давай поможешь.

– А шо такое?

– Да не знаю. Вроде портфель прибили к полу.

– Как это прибили?

– Ну, приклеили, типа. Не оторвешь.

– Где? За двенадцатым столиком?

– Угу. Под ним.

– Там бомба, – сказал Пингвин.

– Никакой там бомбы нет. Петрович уже расковырял крышку и бил кувалдой.

– Я так крепко спал? – удивился Пингвин.

– Здоровый сон признак идиота.

– Лучше быть здоровым идиотом, чем больным умником.

– Вот именно. Пошли, будешь помогать.

Столик уже убрали. Теперь здесь стояла толпа. Все пытались сдвинуть чемоданчик или поднять его. Пока безуспешно. Чемоданчик был раскрыт и внутри виднелся прямоугольный брусок ярко-желтого цвета.

– Поднимали? – спросил Пингвин.

– Поднимали. Не поднимается.

– А вы попробуйте его перевернуть.

Сразу несколько ног начали пинать чемоданчик и он, действительно, перевернулся с грохотом. Желтый брусок разбился на много частей. В это мгновение полумертвая музыка из колонок прекратила свои конвульсии и свет погас. Погас всего на секунду, но погас полностью. И сразу же сквозь большие пустые окна ввалилась ночь с дальними светлячками огней на другой стороне парка. Никто не успел ничего сказать, просто все остолбенели, когда снизу вверх полыхнул сноп малинового пламени и нарисовал черную тень Алекса Пингвина на ребристом металлическом потолке. И свет сразу вернулся, задергалась музыка, призывая кого-то курить табак и пойти в кабак. Снова начал кланяться стеклянный попугай с лампочкой в пузе.

– Эй, Пингвин!

– Чего?

– Оно долбануло тебя прямо в лицо. Как глаза? Видят?

– Видят, – сказал Пингвин. – Видят, да что-то не то.

– А в смысле?

– А в смысле, пойдите вы все ... Я же говорил, что это бомба.

– Это не бомба, но может быть, радиация, – сказал Петрович. – Если радиация, то тебе хана. Больше никого не задело? Тогда лады. Если ты, Пингвин, помрешь, мы тебя помянем. Шучу я так. Ниче там не было. С утраца проспишься и забудешь. А теперь, ребята, это все надо убрать.

И они принялись убирать осколки. Желтое вещество, из которого был сделан брусок, оказалось внутри губчатым. Некоторые мелкие, с наперсток, кусочки весили не меньше, чем пол мешка цемента, и их приходилось выносить вдвоем. Другие не весили почти ничего. Из последнего куска выковыряли прозрачный малиновый предмет величиной с фасолину. Предмет тускло светился. Пингвин взял его себе – положил в карман.

На выходе он споткнулся о тело, которое до сих пор и лежало там, где упало. Никто его так и не поднял. На всякий случай Пингвин не стал до него дотрагиваться. Начальник будет уходить, вызовет милицию. Это его головная боль. Никак не наша. Все-таки, столько денег себе гребет, должен за что-то и отвечать, – подумал Алекс с мстительной радостью, хотя, по здравому рассуждению, ничего плохого лично ему начальник не делал. Ему плевать было на Алекса, а Алексу – плевать на весь мир. Самая здоровая философия, если только хватит жидкости в организме.

Стояло теплое лето, и черные липовые аллеи, освещенные рассеянным безламповым светом, совершенно пустые днем, сейчас были полны целующейся и матерящейся молодой жизни.

Пока он добрался домой, сон прошел. Впрочем, и хмель тоже, чего никогда не случалось раньше. Пингвин погладил собаку, довольно равнодушно подошедшую встретить хозяйина, сбросил со стола какую-то ерунду и достал светящуюся фасолинку. При электрическом освещении она выглядела обыкновенно. Пришлось выключить свет, чтобы увидеть свечение. Оно оказалось таким сильным, что, приглядевшись, можно было заметить тени стульев у задней стены. Ротвейлер тихо зарычал.

– Молчать, Ройс! – приказал Алекс. – Молчать, животное. Смотри сюда.

Внутри светящейся фасолинки перетекали волны жизни. Малиновое, розовое, пурпурное сияние, движущиеся черные точки. Это завораживало взгляд, как костер в ночи. Он не мог отвести глаз. И сейчас это не доставляло ему никакого удовольствия. Он закрыл глаза, но веки поднялись сами собой. Он закрыл глаза руками, но пальцы сами собою сползли вниз по щекам. Он отвернулся к окну, но не выдержал и нескольких секунд. С одной стороны, он продолжал контролировать любое свое движение, а с другой, светящийся предмет полностью контролировал его. Это не ощущалось

как принуждение, скорее, это было как навязчивая идея, как нервный тик.

Он присел и нащупал на полу газету. Развернул и бросил на стол. Затем включил свет. Газета накрыта предмет, и наваждение сразу исчезло. На развороте газеты была раздетая баба с грудью невероятных размеров. Баба улыбалась и, по всему видно, была страшно довольна собой. Алекс подошел поближе и прочел заголовок. «Я переспала со скелетом инопланетянина.» Видимо, грудь от этого сильно растет, – подумал Алекс и приказал свету выключиться. Большинство предметов в его квартире реагировали на голосовые приказы, но не всегда узнавали голос хозяина, так как были китайским ширпотребом.

Ходиковые тапочки сами подошли к ногам хозяина и сами ушли на свое место под диван, лишь только хозяин положил голову на подушку.

Спал он плохо и видел странные сны. Раза три или четыре он просыпался, вставал и пил холодную воду. В холодильнике стояло пиво, но пива не хотелось. Часам к семи он и вовсе проснулся, хотя по-настоящему и не спал. Он чувствовал себя разбитым и ни капли не отдохнувшим. Он лежал на диване, а в голову лезло черт знает что: какие-то старые воспоминания, потерянные уже лет десять назад, если не больше, лица людей, смутно знакомых, лица людей, незнакомых вовсе. Все это крутилось, вращалось и, как водоворот, сходилось в одну точку. И вдруг ему стало страшно. Он вспом-

нил: вечерний магнитрейн в прошлом сентябре. Некрасивая девушка, с которой...

– Ты какой-то странный, – сказал Димон, – что такое?

Они сидели у самодельного столика под пыльными тополями и играли в карты. Димону сегодня не везло: он уже успел проиграть полторы уешки. Играли по мелочам, не ради выигрыша, а чтобы иметь повод посидеть и поболтать, поворошить языком всякий бред вроде модных нынче слухов об эпидемии даунизма или о скором вторжении свирепых аlienов, то есть, по простому, инопланетян – просто чтобы убить большое, сонное и бесполезное время.

– Плохо спал. Дрянь всякая снилась и хотелось воды. Следки вроде не ел.

– С каких пор ты это плохо спишь?

– Вчера в кафе подложили бомбу. Ага, вот и валетик.

– Нашел чем удивить. Каждый день кого-то взрывают. Убило кого-нибудь?

– Никого.

– Жаль, – сказал Димон, – я люблю, когда бабахнет сильно. Чтоб крови побольше, и чтоб по телевизору показали. Я и сам однажды бомбу кинул, маленькую, самодельную. Ехал в магнитрейне и бросил из окна на дорогу, чтоб машина наехала. Но она не взорвалась, понимаешь?

– Ты об этом сто раз рассказывал, – сказал Пингвин. – Наври что-нибудь еще.

– Ладно. Про скелет инопланетянина слышал?

– От которого груди растут?

– Тот самый. Его обещали сегодня возить по городу и показывать живьем. Он весь синий и маленький, метра полтора. Но самое главное, что кости такие прочные, что их даже пуля не берет. Все это обещали показать. Можно будет даже потрогать.

– Бред, по-моему. Как с ним можно переспать? У него что там, особая прочная косточка?

– Слушай, это ты или не ты? – спросил Димон. – У тебя лицо другое. Не так смотрится. И говоришь ты не так. Ты как будто не ты, а твой брат близнец. Знаешь, как в кино. У тебя брата нет, случайно?

– Там, кажется, была радиация, – сказал Пингвин, – и меня задело.

– Где?

– Да в кафе, вчера. Меня бабахнуло прямо в лицо.

– Seriously?

– Без дураков.

Димон положил карты на стол и достал зажигалку. Молча прикурил и задумался.

– Радиация это плохо. От нее, говорят, потом уродики рождаются. Пойди к врачу. В поликлинику. У тебя что-нибудь болит?

– Да.

– Что?

– Я не знаю что. Что-то внутри. Я все время вспоминаю, это, магнитрейн позапрошлой осенью.

– А что магнитрейн? – не понял Димон.

– Ну ты же там был. Мы ее убили.

– А, ты о ней. Конечно, грохнули ее. А что было делать?

Она же была несовершеннолетняя. Да ты не бойся. С самого начала было понятно, что никто не найдет. А сейчас, так уже прошло полтора года. Почти два. И все тихо. Не бойся, не найдут. И потом, она же была уродка. Таких не помнят долго. Туда ей и дорога. Правда, мучилась она долго, это плохо. Я ее раз десять бил по голове, пока она перестала скулить. Ну что ж поделаешь? Забыли и забыли.

– Я, – сказал Пингвин, – принес вчера с собой одну штуку. Не знаю, что это такое. Похожа на стеклянный шарик, но не шарик, а такой сплюснутый. Он светится в темноте. Он был внутри чемоданчика с бомбой. Когда я смотрю на него, у меня болит голова.

– Хочешь совет?

– Хочу.

– Возьми молоток и ударь. Осколки выброси или закопай.

И обязательно сходи в поликлинику. Пойди туда прямо сейчас.

Поликлиника начиналась с металлического коридорчика, оборудованного детекторами оружия, наркотиков и других запрещенных вещей. После этого посетитель попадал в ка-

меру нейтринного сканирования, где аппарат всего за минуту выдавал предварительный диагноз и направлял пациента к нужному специалисту. Нейтринный сканер не ошибался никогда. Впрочем, для сомневающихся имелись еще и иридо-сканер, автоматический выбрасыватель карт таро и кабинет лечения по фотографии.

Сканер направил Пингвина к невропатологу. У кабинета сидела очередь человек шесть или семь, все дружно смеялись, глядя по телевизору очередной повтор триста третьей серии сериала об умниках. Триста третья считалась особенно смешной, и ее повторяли чаще других. Умники в фильме все были низкого роста, и в триста третьей серии дураки подходили к ним, поворачивались задом и пукали прямо в лицо. Это было ужасно смешно. Особенно хорошо фильм смотрелся на современных телевизорах марки «Фуджаси». Фуджаси оборудовались генераторами запаха и ветра. Если действие происходило в сосновом лесу, вы вдыхали натуральный запах хвои. Если на море – вы ощущали настоящий соленый ветер. Если вы смотрели триста третью серию, вы тоже все ощущали, поэтому и было так смешно.

Пингвин с удовольствием пристроился к толпе, предвкушая наслаждение. Ему всегда нравился этот сериал. Однако сегодня все было иначе. Умники плакали не так горько как всегда, а дураки смеялись и пукали не так громко. Актеры играли из рук вон плохо, сценарий был сляпан на скорую руку, и время от времени в кадре даже появлялись ка-

кие-то техники в халатах, подающие актерам знаки, когда те забывали роли. Всего этого Пингвин раньше не замечал. Тем не менее, это была именно та, любимейшая, серия фильма. Не в силах объяснить самому себе этот парадокс, он отошел в другой конец коридора и начал разглядывать рекламу во всю стену: «Пей только дорогую водку! Ты этого достоин!» У широкого окна стояла круглая кадка с пыльным полузасохшим мандариниссом. Под мандариниссом спала совсем дохленькая микрообезьянка. Таких в поликлиниках держали для развлечения детишек – детишки ведь любят мучать все живое, они так отвлекаются.

В кабинете врач записал имя и фамилию Пингвина, а потом спросил и кличку. Кабинет был весь белый, весь чистый, если не считать кучки старых яблочных огрызков, сметенных в угол и накрытых бумажкой. Врач выглядел усталым и лениво жевал розовую пластинку имитатора вкуса, время от времени вынимая ее изо рта.

– Пингвин, – ответил Пингвин.

– Врач откинулся на спинку кресла и захохотал.

– Точно, похож! – сказал он, успокоившись. – Я так тебя и буду называть. Я же невропатолог. Сюда в кабинет приходят люди нервные, и им нравится, когда их зовут по-простому, по дружески. Как у тебя с сексуальной ориентацией?

– Как у всех, – ответил Пингвин.

– У всех по-разному. Особенно в этом кабинете. – Врач снова рассмеялся удачной шутке. Пингвин не улыбнулся, и

врач оборвал смех на самой высокой ноте, почти на визге. – Ну ладно. Говори свои проблемы.

Пингвин прекрасно знал, что с невропатологом нужно говорить осторожно. Проблема в том, что после того, как нейтринный сканер направлял тебя к специалисту, уйти было невозможно: твоя фамилия уже была внесена в списки. Человек, направленный, например, к невропатологу, и отказавшийся к нему пойти, неминуемо вызвал бы подозрение. А от подозрения недалеко и до службы стандартизации, которая имеет право посылать на принудительное лечение. Но к стандартизаторам можно было попасть и от невропатолога – если будешь неправильно отвечать на вопросы. Поэтому Пингвин решил не рассказывать много, только немножко, только в общих чертах.

– В общих чертах, – начал он, – со мной что-то творится. Болит голова. Плохое настроение. Друзья меня не узнают и не понимают. Говорят, что я стал другим. Даже моя собака на меня рычит. Никогда такого не было. Я все время чего-то боюсь, но не пойму чего. Кажется, я вообще разучился смеяться. Меня не смешит даже триста третья серия.

– Неужели? – удивился врач и хихикнул. – А помнишь, когда буржуй подходит к хилому умнику? Не помнишь?

– Помню, – сказал Пингвин, – но мне все время как-то тоскливо, не до этого.

– Переспи с хорошей бабой, – сказал врач, – или сразу с двумя. Ты с кем спишь?

– С кем попало. То густо, то пусто.

– Вот в этом и дело. Все нервные проблемы, они на сексуальной почве. Если есть проблемы в постели, могу выписать бормотун. У меня дешевле всех, всего девяносто ушек.

Бормотун представлял собой миниатюрное устройство, которое само нашептывало на ушко возбуждающие слова. Причем выбирало именно те слова, которые лучше всего действовали в данный момент. Чтобы правильно угадывать, бормотун считывал майнд-потенциалы с мозга хозяина. В основном бормотунами пользовались женщины. Но хороший бормотун стоил гораздо больше, чем девяносто ушек. За девяносто можно было купить лишь подделку.

– Пьешь много? – спросил доктор.

– Умеренно.

– Молодец. Умеренно не вредно. В kleptomании не замечен? То есть, не воруеть?

– Не ворую.

– Воровать можно, нельзя попадаться, – сказал врач. – Вот у меня кто-то постоянно спирует ручки со стола. Подозреваю, что это один и тот же человек. Но ты, конечно, не признаешься. Ручка есть? Хочу выписать рецепт.

Пингвин дал ему ручку, и врач внимательно рассмотрел ее, удостоверился, что видит ее в первый раз, и выписал рецепт. Ручка была совсем старая, обыкновенная. Сейчас вошли в моду самописки, умеющие писать под диктовку голоса.

– Будешь пить три раза в день. Это антидепрессант. Довольно мягкий. Не запивай ничем крепче пива. И найти себе, с кем спать. Это точно поможет. Я тебе это обещаю.

Возьми молоток и ударь. Может быть, дело именно в этом. Может быть, это и поможет. Он шел по городу, но это был не его город. Он шел по улице, но это была не его улица. Он слышал голоса людей, но эти люди говорили на чужом языке. Ему хотелось побежать, но он не мог, он знал, что за бегущим всегда кто-то гонится. Ему казалось, что он попал в пространство слишком многих измерений: каждый звук вызывал к жизни фонтаны звуков, каждое слово – водопад других слов, каждая мысль разворачивалась в бесконечность как фантастический пожарный шланг. Он остановился и задумался над этим. Потом задумался над тем, что научился думать. Он никогда не думал раньше, во всяком случае, в той форме, как сейчас. Мысль будто собирала один большой дом из тысяч и тысяч кирпичиков. Точность и быстрота этого процесса были поразительны. Он оглянулся вокруг себя и увидел, что за каждой мелочью стоит множество причин, и он увидел эти причины, увидел следствия, увидел фантастические арочные конструкции прочнейших логических связей, встающие над предметами, вещами и людьми как прозрачные радуги, а над этими арками – другие, третьи, и так в беспредельность, где, может быть, обитал бог или некое равнодушное существо, порой надевающее его маску.

Так, – подумал Алекс, с трудом преодолевая весь этот мозговой шум, – эта маленькая штучка что-то сделала с моим мозгом. Что-то поломала, остальное неправильно настроила. Инсталировала чужую программу, или что-то вроде. Она заставила меня думать неправильно. Так, как думаю я, не думает ни один человек на этой планете. Вместо человеческого мозга в моей башке теперь какой-то марсианский. Для Земли он не годится. Постараемся, чтобы об этом никто не узнал. А может быть, я привыкну?

С этим пора было кончать. Может быть, простой удар молотком и не поможет, но это годится как первый шаг. Сейчас он был уверен, что сошел с ума, если считать умом то, что имелось в его голове до сих пор. Но, с другой стороны, то, что было в голове раньше, умом назвать никак нельзя, скорее наоборот, так что получалось, что он на самом деле сошел с безумия, если такое вообще возможно. Еще пять минут назад каждая проблема имела всего одно правильное решение, теперь верных решений оказалось множество, и каждое из них было верно иначе. Он не знал, считать это умом или безумием, или тем и другим одновременно, но он хорошо знал то, что виной всему светящийся предмет, величиной и формой напоминающий фасолину. Этот предмет нужно будет уничтожить.

Скорее всего эта штука до сих пор накрыта газетой, – думал он. – Не стоит поднимать газету и смотреть: предмет имеет сильную гипнотическую силу. Но можно нащупать фа-

солинку под бумагой, поднять молоток и ударить по нужному месту. Потом смести осколки и выбросить.

Он шел по улице задумавшись, прорабатывая в уме варианты, чего раньше за ним никогда не водилось: он привык сначала делать, а потом уже думать, если что-нибудь вышло не так. Его апатичная мысль никогда до сегодняшнего дня не заглядывала вперед. Он шел по улице, наклонив голову к земле и даже не отвечал на приветствия. Он подошел к своему дому, подождал скоростной лифт (дважды обрывался за последний год – шесть человеческих жертв) и поднялся на шестьдесят четвертый этаж. Вот мы и дома. Квартира двенадцать тысяч пятьсот тридцать семь.

Он приложил ключ к лазерному замку и услышал как с той стороны Ройс подбежал к двери, встречая хозяина. Он открыл дверь, и огромное черное тело с ревом бросилось ему на грудь. Пес вцепился в лицо, но только потому, что хозяин успел наклонить голову – Ройс собирался вцепиться в горло.

Глава третья: Стандартизатор.

В двадцатом веке бурный рост промышленного производства породил множество новых, ранее немыслимых, профессий. Например, менеджер по рекламе. Или распускатель слухов, положительных о своей фирме и отрицательных о фирме-конкуренте. Но в двадцатом веке еще не было профессии стандартизатора, в современном понимании. Стандартизаторов не было еще и в первой половине двадцать первого, хотя нужна в них уже имелась, и значительная. Со временем стало ясно, что профессия стандартизатора так же необходима, как профессия милиционера или дворника. И даже больше, потому что дворников можно заменить роботами-уборщиками, некоторых милиционеров – следящими устройствами, громкоговорителями или ящиками для собирания мзды. Зато стандартизатора не заменишь никем.

Лора работала стандартизатором. Точнее младшим исполнителем сотрудником службы стандартизации. В тот день с самого утра она инспектировала школу, отбирая одаренных детей, чтобы образовать из них исправительную группу. Одаренных, к счастью, оказалось совсем немного. Всего семь человек на восемьдесят два класса. Всего семь человек с явными признаками одаренности. С каждым годом таких становилось меньше, и это радовало. Причем двое из семи регулярно принимали наркотики, это несомненно.

Отбор и отсев детей был одной из важных, ответственных, но утомительных обязанностей стандартизатора. Дети контролировались с начала и до конца учебного года. Отметки, отзывы учителей, отчеты о количестве драк и разбитых лампочек, доносы друзей – все принималось во внимание и сразу же вносилось в компьютер. К концу первого года наблюдения компьютер довольно точно определял группу риска. Наиболее опасными считались таланты в области литературы и искусства, наименее – в области математики. Политические таланты и таланты к общественной деятельности считались условно безопасными. В течение второго года наблюдения специальный инспектор вел группу одаренных детей, помогая, по мере возможности, каждому ребенку избавиться от тяжелого бремени одаренности. Детям демонстрировали кассеты со смешными сериалами, разучивали с ними веселые приколы, учили их отдыхать, расслабляться, веселиться, тереться на тусовках и отключаться. А также колоситься под попсовую музыку. Известно ведь, что нестандартный ребенок всего этого не умеет. Нестандартный, он ведь вечно глядит на жизнь будто испуганная мышка пялится на изобилие сыра на столе. Так вот же твой сыр, бери и ешь! Известно, что многие нестандартные этому довольно легко обучаются. Известно также, что есть неисправимо нестандартные дети, которые этого не могут, да еще и не хотят.

В течение второго года наблюдения группа нестандартных обычно сокращалась втрое: большинство талантливых дети-

шек начинали, как и положено детям, гулять по улицам, играть в футбол с приятелями, сосать из бутылки в подъезде, писать слова на стенах и переставали чересчур сильно стараться при выполнении заданий. К сожалению, всегда оставались такие, на которых не подействовали мягкие лечебные и воспитательные меры. Таких приходилось отправлять в специнтернаты для одаренных детей, чтобы там принудительно перевоспитывать.

Итак, с утра Лора оформляла документы на семерых одаренных детишек, которые отправятся в специнтернат. Шесть из семи были девочками, и это очень хорошо, потому что женская одаренность гораздо менее опасна для общества: девочки обычно теряют все признаки одаренности после того как выйдут замуж и нарожают детей. Тут все зависит от количества детей. Чем больше детей, тем быстрее исчезает нестандартность. История человечества не знает ни одной талантливой женщины, которая бы имела бы троих или больше детей. Зато знает множество несчастных, рано овдовевших, незамужних и бездетных. Семейное счастье быстро распрямляет извилины и все ставит по своим местам.

Закончив с детьми, Лора позавтракала в кафе (отвратительно теплое пиво), потом просмотрела список звонков. Микрокомпьютер сам обрабатывал и сортировал звонки, определяя информативные доносы в отдельную рабочую папку. Сегодня такой донос был только один: о человеке, которого чуть было не загрызла собственная собака.

Лора почитала данные, пытаясь, как она делала всегда, заранее представить себе подозреваемого. Работает в кафе помощником повара. Образование среднее, и то хорошо. Увлечения отсутствуют. Спортом не занимается. Несколько раз участвовал в драках. Имеет много друзей. Склонен к обману и мелкому жульничеству – это из характеристики с прошлого места работы. Ага, вот уже и поинтереснее: донос от невропатолога. Да, да, да, знакомая картинка. Семь доносов от друзей: все семеро озабочены его состоянием. Задумывается, угрюм, отвечает невпопад, говорит странные вещи. Соседи подтверждают. Но все это еще ни о чем не говорит. Чтобы судить уверенно, нужно вначале поговорить с человеком лично. Подозреваемые обычно избегают личных контактов со стандартизатором, но в этот случае все будет просто: клиент лежит в одном из отделений шестой неотложки.

Алекса доставили в шестую неотложку. К счастью, соседи вовремя отпугнули собаку, вылив на нее ведро побелки с купоросом (у соседей был летний ремонт). Глаза остались целы, но левый удалили по ошибке, так как хирург во время операции был чем-то расстроен, совсем не в себе. Два дня Алекс пролежал без глаза, истекая потом и холодной яростью, прежде чем ошибку заметили. Говорить он пока не мог. Вместо глаза пришлось вставлять паршивый биопротез. Протез выглядел и видел немногим хуже, чем натуральный орган, но требовал регулярной подзарядки. Поэтому в ви-

сочную кость вставили старенькую квантовую батарею. Все это было самых дешевых моделей, потому что на дорогие Алекс денег не имел. Чем более бесплатна медицина, тем больше приходится платить за каждую мелочь – истина, известная всем и каждому еще со времен царя гороха. Ходить Алекс пока не мог, и злющие санитарки ждали, пока ему станет совсем невтерпеж, чтобы побольше содрать за туалетную утку.

Несмотря на все эти мерзости, шестая считалась хорошей больницей. Хотя бы потому, что здесь каждому поступившему бесплатно делали страховую запись личности на диск. В случае смерти личность удавалось восстановить в донорском теле (если клиент мог позволить себе его купить), или хотя бы поместить ее в компактное кибер-пространство, до лучших времен. Маразматикам здесь делали бесплатную еженедельную подкачку майнд-энергии. В палатах разрешалось просматривать лицензионные диско-жизни, с уплотнением времени до двухсот тысяч. А самым богатым вшивали супервайзер здоровья, микроприборчик, который самостоятельно следил за состоянием всех систем организма и, если нужно, производил текущую отладку.

В тот день с утра он чувствовал себя неплохо, со рта сняли повязку и разрешили говорить; оба глаза видели, хотя левый и с перебоями: он ловил помехи от каждого самолета, пролетавшего неподалеку. Современные глазные протезы могут ловить до восьмисот телеканалов, но в шестой неотложке не

было ничего современного.

Лора вошла в палату. Палаты была двухместная, но с одной кроватью. Больница готовилась к ежегодному ремонту, и потому как можно быстрее выпроваживала пациентов. Лора присела на табуретку.

– Здравствуйте, – сказала она, – я из службы стандартизации.

– Я так и знал, что они кого-то пришлют.

– Значит, ты расскажешь мне все?

Она сразу поняла по интонации этого человека, что донос был верным. Таких сразу видно, они говорят не так как все, потому что те, которые все, говорят просто. Нормальный человек говорит с людьми как с друзьями. Человек человеку друг, приятель и родственник, вот так это по нормальному. А для этих иначе, для них незнакомый человек что-то вроде бомбы или мины замедленного действия. И мину эту, совершенно неизвестного устройства, надо обезвредить одними словами, не делая никаких резких движений руками. Ее обычно так и подмывало шлепнуть такого по плечу и сказать громко: «Расслабься, парень! Что с тобой? «Но она знала, что от нормального обращения такие только съеживаются. Отчего-то они очень боятся службу стандартизации.

– Расскажу. Что вы со мной сделаете?

Обычный вопрос. Они даже не знают ничего, но уже боятся.

– Мы тебя вылечим, – сказала она. – Просто вылечим. Причем бесплатно. И быстро. И не больно. Ты сразу обо всем

забудешь. Ты же был нормальным парнем, всю жизнь был. С таким как ты любая девка ляжет в кровать, даже я, вот какой ты, если здоровый.

Клиент повернулся и в первый раз посмотрел на нее, оценивая. Есть первый контакт. Первый контакт самый важный, как объясняли им на спецкурсе «Психология втирания в доверие». Лора расправила плечи и выпятила грудь, чтобы клиент смог получше оценить эту деталь анатомии. Под кофточкой она носила накладные соски, большие, острые и мягкие на ощупь, как носики резиновых клизм. Мужики от такого балдеют. Лоре было всего двадцать четыре и выглядела она прилично. Кофточка издала легкий и приятный музыкальный звук. Современная женская одежда умела звучать, чувствуя заинтересованный мужской взгляд.

– Почему вы нас мучаете? – спросил клиент.

– То есть?

– Оставьте нас в покое. Мы никого не трогаем.

– Чему тебя в школе учили?

– Ничему. Я был разгильдяем.

– Значит, не все потеряно. Слушай. Все дело в экономике.

Ты знаешь, что уклоняющиеся от стандартизации попадают в категорию экономических преступников. Это примерно то же, что уклоняться от уплаты налогов. Твоя обязательная стандартность – это твоя плата за жизнь в цивилизованном обществе. Непонятно?

– Нет.

– Современная цивилизация началась со стандартов. Без стандартов нельзя было бы построить ни один станок и ни один двигатель. То есть, один можно было бы построить, но только один и вручную. Как только появилась стандартизация, появилось изобилие. Двести лет назад люди давились мясом старых куриц, жестким, как бельевая веревка, потому что каждую курицу резали отдельно, тогда, когда она переставала нестись. Сто лет назад появились куриные окорочки, лапки, крылышки, головы, все, что тебе угодно. И все свежее и все молодое. Сейчас ты можешь купить все – даже килограмм соловьиных языков и купить на каждом углу – вот это и есть стандартизация. Никто ни в чем не нуждается, по большому счету. Мы живем во времена изобилия – вот что значит стандартизация. Ты можешь выбирать из тысячи сортов пасты для мытья унитазов – и все сорта в твоём распоряжении. Все, что производится, производится для тебя, именно для тебя, миллионы людей раздумывают день и ночь так, что мозги потеют, раздумывают как бы сделать этот или тот товар более приятным и удобным для тебя. Именно для тебя! Вот что такое стандартизация. Вся вселенная улеглась у твоих ног и только и мечтает, чтоб облизать твои ботинки. Это я называю стандартизацией. Каждый товар настолько приспособлен к твоим нуждам, что он входит в тебя, как волшебный ключ входит в отлично смазанный замок. Понадобились столетия, чтобы этого достичь. Чтобы создать изобилие и как можно лучше приспособить его к твоему желудку.

В этом состоит прогресс последних веков. Вопросы есть?

– Есть. Причем здесь я?

– А притом, милый друг, что все усилия людей, сотворивших этот волшебный ключ, идут коту под хвост, если замок не соответствует стандартам. Замки должны быть такими же стандартными, как и ключи. Иначе ключи не подойдут.

– Вы все равно не сделаете всех одинаковыми.

– Да никто и не собирается. Люди должны быть хорошими и разными. Потому что, если есть тысячи паст для мытья унитазов, то должны быть и тысячи сортов людей, которые их покупают. Ты что, видел на улице одинаковых людей? Их нет, потому что они должны покупать разные товары. Реклама воспитывает все новые и новые желания, новые и разные вкусы. Понимаешь, разные. Просто не надо жить слишком сложно. И не надо выдумывать лишнего.

– Почему не надо?

– Потому что тогда общество не сможет удовлетворить тебя. Не сможет не потому, что это невозможно, а потому, что это дорого. Чем сложнее причуда, тем дороже ей потакать. Никто не станет выдумывать специально для тебя отдельный сорт пасты – она обойдется в миллион раз дороже. Сечешь? Тогда колись.

– Это произошло пять дней назад.

– Что «это»?

– Я не знаю. Вначале я думал, что знаю, но потом понял, что все гораздо сложнее.

– Не бывает ничего сложнее, – возразила Лора. – Все то, что сложнее – симптомы шизофрении. Говори просто и короткими предложениями. Что это было?

– Небольшой святящийся предмет. Величиной с ноготь на мизинце. Светится только в темноте. Когда я на него смотрел, у меня болела голова. Но он меня не отпускал, он заставлял смотреть. Потом со мной произошло это. Мне становилось все хуже, пока я не начал думать. Я продолжаю думать и сейчас.

– Где?

– У меня в квартире, на столе в прихожей. Эта вещь накрыта газетой. Она очень опасна, не надо на нее смотреть, особенно в темноте. Я собирался разбить ее молотком. Но не успел.

– Почему?

– Как только это появилось в доме, собака стала на меня рычать.

– Угу. Записала. Твой адрес у меня есть. На днях наведаюсь снова. Не вздумай сбежать – это означает уголовную ответственность. До тех пор, пока ты не бежишь, ты не преступник, а жертва.

– А сколько мне могут дать?

– Если в первый раз, это считается мелким экономическим преступлением. До шести месяцев. Но это обычно повторяется. Второй раз до пяти лет плюс стандартизация хирургическим путем. Я еще не видела ни одного человека, ко-

торому бы это понравилось, имей в виду.

– Почему бы вам не отпустить меня?

– А по какой такой причине я буду тебя отпускать?

– Знаешь, как в сказке: отпусти меня, я тебе пригожусь.

Так ведь делают.

– Так делают только Иваны-царевичи, которые на самом деле Иванушки-дурачки, – сказала Лора. – И потом, ты же не знаешь, где лежит кощеева смерть. Ты ничего не можешь предложить в оплату.

– Может быть, ты сделаешь это без оплаты?

– Без оплаты работают только влюбленные проститутки.

Пока.

Она закрыла дверь за собой. Случай показался ей совсем несложным. Незапущенным. Парень, конечно, врет. Но мы все проверим. Скорее всего, это пройдет само собой. Начитался или наслушался какой-то глупости. Почему бы его не отпустить? – потому что, поступая на службу, она давала клятву. И если стандартизатор покрывает или сам распространяет нестандарт, это уже не мелочь, это считается серьезным преступлением. Лора помнила пару таких дел – она подробно изучала их на спецкурсах.

В принципе, сейчас она должна была поехать прямо по адресу, в квартиру того парня. Но работа есть работа, а жизнь есть жизнь. Вначале она заехала домой и часок-другой поболтала с подругой по стереофону. Потом надела комбинезон из стопроцентно облегающей ткани, имитирующей зме-

иную кожу (с нарисованными сосками с нужных мест), сходила на модную премьеру. Фильм назывался «Ну, ты понял, мужик!» и шел в объемном формате. И только потом, отдохнувшая и веселая, с пятнышком видеокосметики на левой щеке, направилась на улицу Бодрую. Дом двадцать три. Квартира двенадцать тысяч пятьсот тридцать семь.

Тут ей не повезло. Как раз перед ее приходом случилась очередная авария скоростного лифта. Ящик оборвался и свалился вниз, разбившись вдребезги. Пока не выяснили, был кто-нибудь внутри или нет. Пришлось подниматься обычным, медленным. Это заняло минут десять, потому что медленный норовил остановиться на каждом этаже. До нужного он так и не доехал. Лора пошла наверх черным ходом, спотыкаясь об остатки наполовину сожженных дверей и стараясь аккуратно перепрыгивать загаженные места. Гадили всегда неудобно, так, чтобы легче было наступить в темноте. В углах и на потолке сидели специально посаженные роботы-насекомые, норовившие прыгнуть на одежду и забраться под воротник. На нужном этаже она оттащила в сторону большой узел пыльного тряпья. Из под тряпок выскочила стайка роботов-вонючек, прикольных игрушек, которые, как всегда, заползают в самые неожиданные места и лопаются у тебя прямо под носом. В коридоре было почище, хотя и не намного.

Она открыла дверь универсальным ключом, который

имелся у каждого стандартизатора, и зафиксировала документально факт и момент вскрытия. Квартира как квартира, стандартнее не придумаешь. Пластиковая мебель. Надувные кресла. Ночные роботы-лизуны бесшумно ползают по стеклам окон и зеркалам, очищая гладкие поверхности. Нигде ни пылинки – это значит, что жучки-уборщики продолжали свою работу в отсутствие хозяина. При виде человека они всегда прячутся, прячутся так хорошо, что никто на самом деле не знает, как они выглядят. Шторы и обои из разноцветной пластиковой пленки – дешево, но симпатично. Средненькие видеообои всего лишь на одной стене. Лампы, реагирующие на голос.

– Не так ярко! – приказала Лора, и свет ламп стал мягко-голубоватым. Лампы могли излучать даже ультрафиолет, для комнатного загара.

Столик в прихожей действительно существовал, но оказался перевернут, а рваная газета валялась рядом. Ничего необычного, на первый взгляд. Никаких странных предметов. Лора откатила столик в сторону и осмотрела коврик. То же ничего. «Не смотреть на это в темноте», – так он сказал. Если ты, девочка, ему поверила, то ты не станешь выключать свет. А если не поверила, то выключи и увидишь, светится здесь что-нибудь или нет. В этот момент она услышала тихий стук и замерла.

Это не соседи. Квартира наверняка оборудована звукоизоляцией, потому что дом современный, построенный

недавно, это чувствуется. Раз так, то соседи могут хоть бомбы взрывать, у нас ничего не будет слышно. Стук явно доносился из соседней комнаты. Она прошла в соседнюю комнату, но ничего не заметила. Но желтый огонек сигнализатора опасности на ее браслете передвинулся к красную сторону. Нейрокомпьютер, вычисляющий вероятность трагедии, решил ее предупредить. Сердце застучало сильнее. Она просканировала пространство на наличие живых и механических объектов. Один полумертвый кактус на подоконнике. Все. Еще игрушечный робот-таракан и несколько обыкновенных штучек из секс-шопа. Игрушка-трансформер в виде кучки дерьма.

– Превратись в куклу! – скомандовала Лора, и игрушка с неохотой выполнила приказ. Кучка дерьма была ее естественной формой, в которую она превращалась при первой же возможности.

Вдруг Лора почувствовала холод за спиной. Быстро повернулась, остановившись в защитной стойке Киик-Ву. Никого. Просто нервы. Или усталость. Она выключила свет обыкновенным выключателем (голосовой не сработал) и на ощупь нашла ручку надувного кресла. И взвизгнула от ужаса – в кресле уже кто-то сидел.

То, чего она коснулась, было маленькой, холодной, липкой, человеческой рукой. Очень холодной и очень волосатой. Чужая рука сразу скользнула в темноту. Лора бросилась искать выключатель, но забыла где он. В комнатах было совер-

шенно темно, потому что шел уже одиннадцатый час вечера, за окнами сгустились тучи, а городские огни способны были осветить лишь нижние этажи небоскребов. Она пыталась нащупать выключатель на стене, но не могла. Тогда она прижалась к стене спиной и замерла. Тихие звуки передвигались по комнате. Шаги маленьких ножек. Или больших, семенящих.

– Эй, – сказала она, – кончай, придурок, меня пугать!

Существо посмотрело на нее двумя большими красными глазами. Ошибиться было трудно: настоящие глаза, светящиеся темно-красным, посаженные далеко друг от друга, что означает довольно большую голову. На высоте примерно метра над полом. Взгляд спокойный и в то же время сильный, будто змеиный взгляд. Лора заорала, глаза метнулись во тьму и исчезли.

Она начала нащупывать дорогу ко входной двери. Споткнулась об опрокинутый столик и упала. И в этот момент она увидела то, за чем пришла. Малиновая едва светящаяся фасолинка лежала сантиметрах в пятнадцати от ее лица. Лора начала отползать. Что бы это ни было, а оно действительно влияет на людей. Давило в висках, а в желудке начиналось что-то, напоминающее приступ морской болезни. Тогда она протянула руку и зажала эту штуку в кулак. Весь гипноз сразу исчез. Опрокинутая вселенная снова стала на место. Снова все было просто и правильно. Лора встала на ноги. Сердце уже не стучало. Она довольно спокойно нашарила выключа-

тель на стене и щелкнула.

При свете фасолинка казалась обыкновенным гладким камешком с берега моря. Ничего примечательного. Гладкая серая поверхность в розовых разводах. Хотела бы я знать, подумала она, где в этом доме молоток.

Глава четвертая: Микросферы

Следующим утром Лора направилась по очередному вызову. Кто-то донес на человека, собиравшегося спрыгнуть с балкона шестого этажа. Несмотря на ранний час, семь утра, внизу уже собрались зеваки. Зеваки обсуждали последние жертвы Сфинкса, а также болтали о скором вторжении инопланетян. Последняя тема считалась вредной, по мнению конторы, и Лора предупредила их, показав значок стандартизатора. Нет никаких инопланетян. То есть, они конечно, есть, их наверняка полно, нашли же синий скелет в лесу, но никто и никогда не будет никуда вторгаться. Особенно на такую отлично защищенную планету, как Земля. Пусть только сунутся, алиены проклятые, мы им покажем! Зеваки успокоились и переключились на музыкальные новости. Милиции, как ни странно, не было. Лора связалась со стражами порядка.

– Этот человек собирается покончить с собой, – сказала она.

Холодный ветер нес по улице рваные грязные бумаги. Роботы-уборщики еще не выходили на смену.

– Нет, не собирается, – ответили ей. – Он собирается установить мировой рекорд по прыжкам с высоты. Это по вашей части. Займитесь им сами.

Но это было не по ее части. Человека, который риску-

ет жизнью, чтобы установить рекорд, уж никак не назовешь нестандартным. Нам всем свойственно стремиться к славе.

Она постояла еще минут десять, ожидая, что рекордсмен все же прыгнет, но не дождалась, села в машину и направилась в контору. Утренние улицы в этой части города были пусты. Обычный рабочий день горожан начинался в десять и продолжался до двух – всего четыре часа, но этого было достаточно. Ведь наступил век изобилия, век, когда главной задачей человека стало не профессионально производить те или другие вещи, а профессионально их потреблять. Машины уже давно умели справляться с любыми проблемами вообще без человека. Век желудка пришел на смену векам мускулов и интеллекта.

Лора остановилась на пустом мосту у Капитанского парка и вышла. Подошла к парапету. Нащупала в кармане маленький предмет. Вытащила, не глядя бросила вниз. Капитанский парк выглядел печальным, будто уже чувствовал скорую осень. Утренний ветер шумел в ушах, и она не услышала звука удара о воду.

В конторе царило оживление. Наконец-то привезли партию микросфер, приборов, о которых стало известно уже неделю назад. Микросферы представляли собой черные чемоданчики, к которым прикреплялось полушарие, выгнутое из очень тонкой пластинки некоторого вещества желтого цвета. Весила каждая микросфера двенадцать кило-

грамм, что совсем не мало. Микросферы являлись самым современным достижением стандартизации. Теоретически, они позволяли стандартизировать каждого отклоняющегося за несколько секунд. Отпадала нужда в длительном лечении, в исправительно-воспитательных мерах, длящихся годами. Но толком об этот чуде техники пока ничего не было известно. Ходили лишь слухи. Посему директор конторы, Львович, растянул утреннюю пятиминутку на целый час.

Львович рассказал о том, что технология производства микросфер была удачно скопирована с некоторого артефакта, предположительно внеземного происхождения. В последние десятилетия, когда дальние космические перелеты стали обычным и довольно быстрым делом, подобных артефактов было найдено множество. Правда, большинство попыток что-то разгадать и скопировать заканчивались провалом. Скопированные предметы отказывались приносить какую-либо пользу. Дело обстояло так, как будто дикарь из каменного века, увидевший телевизор, высекает точную копию телевизора из куска скалы – и ждет, что она начнет передавать последние спортивные новости. Единственными более или менее удачными попытками копирования были: имитатор кошачьей шерсти, размножающий каждый натуральный кошачий волосок в миллионах экземпляров и работающий только с кошками нескольких строго определенных пород, да еще оптический нажиматель клавиш, устройство, которое позволяло довольно резво печатать взглядом на клавиатуре.

Ни тот, ни другой прибор не нашел широкого применения. Но микросфера – это другое дело. Микросфера – это революция в технике стандартизации.

Львович поведал, что внеземной артефакт был конфискован во время контрабандной перевозки с планеты Тейзг-4, или Планеты Бурь. Таможенников сразу привлек необычно большой вес объекта. Вначале они попытались его украсть, подозревая золото, но потом, когда золота не нашлось, сдали по ведомости. Виновные наверняка наказаны, но они нас не интересуют. Оказалось, что прибор идеально подходит для быстрой и безболезненной стандартизации любого нестандартного индивидуума. Прибор удалось скопировать на удивление легко – он будто сам напрашивался на это. Первая же копия оказалась работоспособной. Микросферы сразу же запустили в промышленное производство. Американцы и японцы пользуются микросферами уже две недели. Мы же, как всегда отстаем. Хотя контрабандист предположительно был русским. Эффективность прибора полностью доказана. Микросферу в мире уже применили десятки тысяч раз.

– Может быть, это подкинули Лепории? – сказал кто-то из зала.

Лепориями называли высокоинтеллектуальную микроцивилизацию, которую основали потомки землян, эмигрировавшие в середине прошлого века. Время от времени Лепории подкидывали землянам безобидные сюрпризы.

– Чего не знаю, того не знаю, – сознался Львович.

Зал слегка пошумел.

– Они там, за бугром, говорят, что можно вылечить даже самый запущенный вариант, – говорил Львович. – Но они не видели таких запущенных вариантов, которые есть у нас. Их-ний запущенный вариант я вылечу голыми руками, безо всякой техники. Так что посмотрим. Наберем статистику. Идите и работайте.

Он попросил остаться Лору после совещания.

– Не хочешь со мной переспать? – спросил он между делом, собирая бумаги.

– Да я уже говорила, что не хочу. Я сплю только с теми, кого люблю. С тобой только в крайнем случае. В смысле, если по принуждению.

– Зря. Проще надо мыслить. Любовь это секс. Любовью надо заниматься, а не пудрить мне мозги. Но я люблю ухаживать, это возбуждает, вносит что-то этакое. Особенная сладость, ну, ты понимаешь. К тому же, секс с начальником не лишен приятности. Ну, мы еще поговорим. Как там твой собачник?

– Нормально. Почти что никак. Простой случай.

– Простой-то простой, – сказал Львович. – Но от него тянутся ниточки. Много ниточек, и так просто их не распутаешь. Но мы не спешим. И ты не спеши. Будешь меня информировать. Как он выглядит?

– Почти нормально. Похоже, что его что-то вывело из рав-

новесия, но это не надолго. У него хорошие характеристики. Попробовать применить микросферу?

– Попробуй. Но не сегодня. Я прикажу, когда надо.

– Ты думаешь, что она может навредить?

– Не думаю. Микросфера просто отсасывает из мозга что-то лишнее. Что-то ненужное и вредное. Как она это делает, никто не знает. Но она работает чисто. Вот и все. Это санитар нашего мозга. Слышала о майнд-энергии? Уже давно проводятся опыты. Говорят, это такая форма энергии, которая позволяет мозгу работать. Мозг налит этой энергией, как банка рассолом. Но она бывает хорошая и плохая. Вредная и полезная. Короче, я ничего в этом не понимаю. И никто толком не понимает.

– Куда это девается? – спросила Лора.

– Что девается?

– Куда девается то лишнее, ненужное и вредное, которое микросфера отсасывает из мозга?

– Ого, какой вопрос! – удивился Львович. – Ты не увлекайся, а то нам придется стандартизировать и тебя. Проще мысли, проще. Кстати, ты выглядишь бледной и больной. Я, как влюбленный мужчина, это сразу вижу. Плохо спала? Иди сюда, я тебя поглажу ниже твоей милой спинки.

– Голова болит, – ответила она.

– Так надо было принять таблетку. У меня тоже по утрам болит. Здоровый человек – это тот, кто пьет в меру и думает о последствиях.

– Не в том дело. Просто болит. Еще с вечера. Можно еще вопрос?

– Валяй.

– Раз микросферу скопировали с инопланетного прибора, это значит, что стандартизацией занимаются и в других мирах?

– Конечно.

– Ты уверен? – спросила Лора.

– Лично я уверен. Я уверен, что наша служба необходима.

И там, и здесь. В любом мире найдутся люди, которые стараются все усложнить, из прямого сделать кривое, из белого в крапинку, и так далее. У меня есть несколько отличных лозунгов, которые помогают в жизни. Которые я постоянно повторяю. Любовь – это секс. Счастье – это деньги. Здоровье – это умеренность в удовольствиях. Друзья – это возможность занять. А все остальное – просто мозговая грыжа. Поверь мне, я много видел в жизни и пришел к этому. Когда-нибудь и ты поймешь, что только в этом правда. Поймешь, когда поумнеешь.

В этот день он впервые встал с постели и подошел к окну. За окном была знакомая скучища: двор и стена болотного цвета. Знакомая, потому что в последние дни он представлял себе это именно так. Он не хотел смотреть на себя в зеркало, зная, что пластику сделали неаккуратно. Ничего, шрамы это украшение мужчины. Он ждал ее, чтобы продолжить

вчерашний разговор. Но она заговорила о другом.

– Я была у тебя дома, – сказала Лора. – и я видела это.

– Как она тебе понравилась?

– Она? Она женского пола?

– О ком ты говоришь?

– Я говорю о существе с красными глазами, – сказала Лора. – Я видела его совершенно точно. И хотя его не взял мой сканер, я могу поклясться, что я его видела. Я не сумасшедшая. Я знаю, что я говорю.

– У меня дома не живет никто с красными глазами. Бывают реалистичные галлюцинации.

– Бывают. Но это совсем не тот случай. Это не живое существо и не техническое устройство. Ответь мне, что это такое?

– Я не знаю, о чем ты говоришь. Например, это призрак. Я слышал, что у призраков красные глаза.

– Хорошо, меня предупреждали, что с тобой не все просто. Разберемся.

– Ты не знаешь, – спросил Алекс, – в городе еще остались библиотеки?

– Знаю точно. Это же по моей части. Осталась одна библиотека справочной литературы. С ограниченным доступом. Такой маленький домик в шесть этажей, где-то в пригороде.

– Где можно купить книгу?

– Есть два магазина подарочной книги. В одном продают комиксы, в другом эротику. Все книги дорогие и прекрас-

но оформлены. Есть даже альбомы в позолоченной обложке. Остальные книги рассылаются по почте. Сборники юмора, например. Иногда читают фантастику и детективы – но это только для интеллектуалов, особенно фантастика. Я бы такое не потянула. Один раз пробовала, на пятой странице мозги завяли.

– А театры? У нас есть театры?

– Восемнадцать театральных групп эротики и откровенных развлечений. Они покажут все, что ты закажешь, лишь бы деньги платил. Нет, теперь уже семнадцать. Одну расформировали в прошлом месяце.

– И это все?

– Тебе мало семнадцати групп? Правда они не имеют постоянных помещений, если ты спрашивал об этом.

– А музеи?

– Музеев нет. Последний закрыли в прошлом году. Но остались хранилища. Туда пускают всех, но по паспортам.

– Почему их закрыли?

– Потому что никто в них не приходил, неужели непонятно? Театры и библиотеки закрылись по той же причине. Если ты хочешь почитать классическую литературу, то в Интернете есть специальный канал для извращенцев. Скачивай себе и читай сколько хочешь. В чем проблема, парень? Ты свободен, тебе ничего не запрещено, ничего, у тебя есть доступ к любой информации. Бери что хочешь. Просто то, что никому не нужно, отодвинуто на задний план. По-моему, нормально.

Нормальный спрос и предложение. Нормальный экономический процесс. То, о чем ты спрашиваешь, мой шеф называет мозговыми грыжами. Сто лет назад думать было полезно. Ты думал, и ты изобретал что-то нужное. Ты что-то создавал. Теперь не нужно создавать, все уже создали для тебя. Бери и ешь, если есть деньги и если здоров желудок. Что это?..

Она смотрела на середину комнаты. Алекс отошел в угол. Не столько отошел, сколько отпрянул. В воздухе между ними возникло нечто. Воздух будто сгустился и обрел структуру. Это немного напоминало неплотный дым или плавные перетекания над нагретым солнцем полотном дороги. Это не имело ни формы, ни цвета, но было страшным, сверхстрашным, гиперстаршным – страшнее всего того, что им приходилось видеть в жизни. Это продолжалось несколько ударов пульса, затем растаяло.

– Т-ты видел? – прошептала она. Ее зубы стучали, а сердце, судя по ощущениям, опустилось в желудок. Она мгновенно вспотела – как будто попала под душ.

В этот день, после трех, она встречалась в школе с родителями отобранных детей. Все прошлые года нестандартных детей посылали на двухлетнее обучение в специнтернате для одаренных. Двух лет обычно хватало для полного исправления. Детей учили правильному отношению к жизни, воспитывали, лечили медикаментами. Собственно учебная программа была сведена к минимуму. Но главное, чему учи-

ли детей, – это потребление. Ведь потребление произведенного продукта это основа существования любого развитого общества. Потребление это главное, чем занимается человек в течение своей жизни. В обычных школах имелось по два или три урока потребления в неделю. Одаренные дети имели очень низкие оценки по этому важнейшему предмету. Поэтому в спецшколах было по два урока потребления ежедневно. Детей учили слушать рекламу, защищать свои потребительские права, организовывать кружки потребителей, следить за новой и модной продукцией, учили быть открытыми для современных маркетинговых технологий влияния. Но так было раньше. А сейчас появились микросферы.

Лора поставила прибор на стол.

– Короче говоря, теперь мы можем без проблем вправить любую мозговую грыжу. Вашим детям повезло. Еще неделю назад вам бы пришлось попрощаться с ними на целых два года. Теперь у вас есть выбор: спецшкола или быстрая стандартизация.

Из семи человек, вызванных повестками, пришли только четверо, точнее, трое, потому что один пришел просто за компанию. За задним столом сидели мужчина и женщина, которые довольно тихо играли с роботом-пауком, норовя бросить его друг другу на волосы. На женщине была дорогая видео-блузка, из ткани, имитирующей бушующее море. Еще был холеный субъект офисной наружности, гладкий, как будто сделанный из мыла, застегнутый на все пуговицы.

За передним столом справа сидела пожилая женщина с коровьими глазами. Офисный субъект постоянно справлялся о чем-то у своего нейрокompьютера, вживленного в кожу левого запястья, видимо, что-то продавал или покупал. Лора метала бисер перед свиньями.

Она подвинула микросферу так, чтобы все могли ее разглядеть. Увесистая штука, будь она проклята.

– Что, можно прямо сейчас? – спросил офисный субъект, оторвавшись от компьютера. – Моя толстая оболтусиха ждет за дверью. Я уже надрал ей задницу со своей стороны. Привести? Будем делать харакири?

– Это делается в присутствии двух ассистентов, которые поставят свои подписи. Конечно, не здесь. В медицинском учреждении. Потом я буду наблюдать вашу дочь еще год, смотреть, чтобы не было рецидивов.

– Когда?

– Послезавтра.

– Тогда нужно было и вызывать меня на послезавтра. – Он защелкнул крышечку компьютера, встал и вышел. Двое за задним столом продолжали играть, слегка повизгивая, как щенки. Когда в комнате стало тихо, они оторвались от своего занятия.

– Мы согласны, – сказала женщина, – мы на все согласны. Мы всегда со всем согласны. Мы Манины папа с мамой, так и запишите.

И она бросили паука за шиворот своему соседу.

Эти тоже ушли. Осталась только женщина за передним столом. Похоже, она уходит не собиралась. Лора не хотела затягивать встречу, она думала уйти до часа пива, который начинался в шесть и длился, как минимум, до восьми. В школьных дворах час пива проходил особенно бурно. Лора волновалась за машину, которую оставила во дворе. Однажды она задержалась, и нашла машину стоящей в луже мочи: в закрытые по вечерам школьные туалеты любителей пива не пускали. Во всем есть свои минусы, зато после того, как празднование часа пива распространили и на школьников, детский алкоголизм практически исчез. Детки предпочитали надуваться пивом, и это ни капли не вредило их здоровью.

– Вы тоже согласны? – спросила она.

– Нет.

– В таком случае, два года спецшколы для одаренных. Вот бланк, прочитайте и распишитесь.

– Я не буду расписываться.

– А в чем дело?

– Я хочу объяснить. Он совсем не одаренный, он обыкновенный. Не надо его трогать.

Ага. Значит, это была мать единственного мальчика. Лора вспомнила досье: максимальные оценки по всем предметам, кроме потребления (по потреблению вообще нули), трудолюбие, прилежание, не играет в футбол, не гуляет с друзьями, замечен в восьми читательских интернет-каналах. Это слишком для нормального мальчика двенадцати лет.

– Это не называется нормальным, – возразила Лора.

– С тех пор, как умерла его сестра, – продолжала женщина, – он только и думает о том, чтобы отомстить. Ее убили позапрошлой осенью. Убили в ночном магнитрейне, который шел почти пустой, поэтому убийц не нашли. Он хочет найти их сам. Поэтому он изучает криминалистику, оружие и прикладные виды спорта. Он прочитал очень много книг, он просто застрял на этой идее. Сдвинулся чуть-чуть. Вчера он даже видел ее призрак и разговаривал с ним. Разговаривал целый час. Но это не значит, что он ненормальный. Раньше он был такой как все. Он и сейчас такой как все, просто у него убили сестру.

Лора собиралась ответить, но в этот момент у нее так закружилась голова, что пришлось упереться обеими руками о стол.

– Вам плохо? – безучастно спросила женщина.

– Очень плохо.

Что-то случилось с ее нервной системой. Она вспомнила светящуюся фасолинку, на которую смотрела в темноте. А ведь он меня предупреждал, что это случится. Но, черт побери, разве можно было этому поверить? Да и кто бы поверил на моем месте? Если существует микросфера, прибор для быстрой стандартизации, то почему бы и не существовать противоположному прибору? Такому, который извращает твой мозг до предела? И если микросфера это, в сущности, инопланетное устройство, то противоположный при-

бор тоже изобретен не человеком. Львович говорил, что от этого дела тянутся ниточки. Но я не думала, что эти ниточки начнут обматываться вокруг моей шеи.

Собрание проходило в математическом кабинете. Лора обвела глазами пространство; сейчас что-то происходило с ее взглядом, он перестал быть остронаправленным, как луч, теперь он ловил сразу всю информацию и посылал ее в мозг, а мозг успевал ее обрабатывать. На стенах кабинета висели таблицы сложения и Лора вспомнила, что изучение таблицы умножения теперь перенесли из седьмого класса в восьмой, как слишком сложный предмет для детских умов. Кроме этого она вспомнила одновременно тысячи других, не относящихся к делу вещей, и эта мутная волна информации ударила в мозг, как цунами в скалистый берег острова. На минуту она потеряла связь с реальностью. Серое месиво сталкивающихся, кружащихся, вихрящихся смысловых потоков, которые как потоки ветра, подхватывают и поднимают всю грязь на своем пути...

– А вы серьезно не в порядке, – сказала женщина. – Кажется, вам лечение нужно еще больше, чем моему сыну.

– Я подумаю, – сказала Лора, – я подумаю о вашем сыне. Может быть, что-то получится.

– Спасибо.

– Этот призрак, с которым он разговаривал целый час, у него были красные глаза?

– Я не знаю, – ответила женщина, – но я могу спросить.

Когда она вышла, час пива уже начался. Партия любителей пива находилась у власти вот уже пятьдесят или шестьдесят лет, никто не помнил точно, и с каждым годом пользовалась все большей любовью народа. Никого и никогда так не поддерживали, как любителей пива. Впервые за много столетий народ испытывал к своим вождям чистую и бескорыстную любовь, без всякой примеси мистического ужаса и страха за свою жизнь. Любители пива были не страшны, они оказались отличными парнями. Вначале они учредили неделю пива – последнюю неделю августа, как прощание с летом. Потом объявили каждую пятницу днем пива, и это всем понравилось. Это было весело. И, наконец, организовали ежедневный час пива, который длился часа два или два с половиной – и это было уже просто восторг. Люди радовались и веселились. В школах даже ввели урок пива, на котором учили совершенно необходимому для жизни искусству правильно пить, хорошо, вкусно и в меру.

Вопреки уверениям скептиков, всенародные праздники пива не вылились во всенародное хулиганство. Количество алкоголиков и больных циррозом не увеличилось, отнюдь, – уменьшилось в полтора раза. Правда, больше людей стало умирать в последнее время от болезней мочевого пузыря, но это было не столько медицинской проблемой, сколько проблемой городских служб, которые упорно не хотели ставить во дворах бесплатные туалеты. Пиво – это вкусно и прият-

но, так почему бы не сделать себе жизнь еще вкуснее и еще приятнее? Действительно, почему? Последние скептики уже давно перевелись. Да и те на самом деле были наняты фирмами-конкурентами, производившими безалкогольные напитки.

Лора шла по двору; руку оттягивал тяжеленный чемоданчик. Высокие кусты нестриженной сирени были полны гуляющих. Вдруг она услышала топот за спиной. Прежде чем успела повернуться, кто-то схватил чемоданчик и дернул так, что она упала на асфальт, но пальцы не отпустили ручку. Здоровенный парень наступил ей на руку и потянул изо всех сил.

– Там ничего нет! – заорала Лора. – Там ценный прибор!

– А сейчас посмотрим!

Парень попробовал открыть замок, затем поддел его чем-то похожим на короткую отвертку и сломал. Желтая полусфера величиной с половинку яблока раскрылась.

– Это опасно! Радиация! – закричала она.

– ... На твою радиацию. Так, это мне не надо. Вот сволочи, там внутри еще два замка!

Он оторвал полусферу и размахнулся, чтобы выбросить ее в кусты. И вдруг его рука замерла.

– Тяжелое! – удивился он.

– Это свинец, – сказала Лора.

– Я шо, свинца не видел? – засомневался парень. – Это золото. Она внутри золотая!

Он поднял чемоданчик над головой и грохнул его о ас-

фальт, надеясь, что тот рассыплется. Чемоданчик остался цел. Тогда он начал царапать полусферу металлическим острием, чтобы увидеть золото. В этот момент полусфера издала короткий звук на высокой ноте и дважды сверкнула чем-то вроде электрического разряда. Парень перестал царапать; железка выпала из его рук. Лора поднялась и посмотрела в его глаза. Немигающий взгляд идиота. Глаза зеленые и мутные, как большие неспелые виноградины. Лора могла бы поклясться, что несколько секунд назад эти глаза были совсем не такими.

Она подобрала чемоданчик и желтый предмет, который сейчас стал довольно горячим. Парень с зелеными глазами опустился на асфальт и теперь сидел, уставившись в пространство. В пространстве передвигалась гуляющая молодежь, которой не было никакого дела до происходящего.

Когда Лора подошла к машине, то увидела свежие лужи у каждого колеса.

Глава пятая: Сгусток ужаса

Больница закрылась в связи с ремонтом и Алекса прогнали домой. В тот день с самого утра все говорили об одном и том же: множество людей видели призраков. Во всяком случае то, что они видели, призраков напоминало сильнее всего. Этой ночью призрака видели даже в больничном морге. Рассказы санитаров были столь душераздирающи, что повторять их просто страшно. Итак, больница гудела. Алекс вышел на улицу. Искусственный глаз слегка искрил, но видел нормально, если не считать нескольких неестественных голубых оттенков. Его старенький полуавтоматический Рено-Бубс был конфискован за медицинские долги (с правом выкупа в беспроцентный кредит), поэтому домой пришлось добираться пешком. Время с десяти до одиннадцати считалось часом рекламы, поэтому на всех улицах звучали концерты рекламной музыки, фасады домов раскрашивались шедеврами рекламной живописи, а по полотну дорог бежали перлы рекламной поэзии, синхронизированные так, чтобы двигаться одновременно с пешеходами или автомобилями. Местами, особенно на перекрестках, там, где сталкивалась несколько разных рекламных потоков, приходилось не смотреть под ноги, потому что из-за могучего беспорядочного движения внизу могла закружиться голова. Обязательные громкоговорители на каждом четном столбе передавали рекламные новости.

Давно прошло время новостей политических или военных; ни войной, ни политикой больше никто не занимался. Даже спорт – любимое развлечение людей двадцатого века, теперь мало кого интересовал. Большой спорт требует больших усилий, а люди разучились делать усилия. Они прекрасно обходились без этого. В больших дворах детишки частенько поигрывали в футбол, кое-где остались стадионы, которые время от времени использовались для проведения праздников, гуляний и самодеятельных турниров. Там же устраивались кровавые бои роботов-спортсменов, причем кровь имитировала человеческую и по цвету, и по запаху, и по липкости. Эти рубилки-давилки-стрелялки устраивались каждый четверг. Они прекрасно снимали напряжение рабочей недели. В основном же люди поддерживали свою форму за счет энергетических таблеток, мощных иммуностимуляторов и витаминных бомб. Все прочие необходимые для жизни лекарства искусно маскировались под пищевые деликатесы: обжираясь лососевой икрой, вы могли и не знать, что одновременно принимаете лечебные дозы кальция, магния, йода и инсулина.

Давно закончилось время трагедий и катастроф. Техника стала настолько надежной, никогда не выходила из строя, ремонтировала, поддерживала, обслуживала и обновляла сама себя, а системы управления транспортом исключали любые аварии. Даже терроризм, чуму начала прошлого века, удалось преспокойно извести экономическими методами: со

счетов террористических снимались громадные суммы компенсаций, и вскоре последние теракты сошли на нет. Кому же хочется так много платить за сомнительное удовольствие? Ну раз, ну два, ну не постоянно же?

Алекс шел по улице, вслушиваясь в тексты рекламных песен. Отличная песня о первой любви рекламировала невидимые презервативы «Стелс» – отличная, в смысле музыки; потому что сейчас Алекс не мог оценить слова. Еще одна песня рекламировала лучший в городе салон туалетного юмора, эта песня имела, по замыслу авторов, очень смешные слова. За ту неделю, которую Алекс провел на больничной койке, кое-что в городе изменилось. Например, японцы ухитрились построить суперсовременный супермаркет из органического стеклобетона. Как известно, японский стеклобетон вырастет со скоростью примерно двух этажей в час, если погода достаточно теплая и влажная. Большинство современных зданий теперь не строились, а выращивались по технологиям кремнеево-генетического программирования. Алекс остановился перед входом в новый супермаркет. «Бинго-Бум!» – так этот шедевр назывался, чтобы это не означало. Здание имело восемь этажей; зеленоватые полупрозрачные панели передней стены позволяли видеть то, что происходит внутри. Внутри опускался лифт, округлый и блестящий, как ртутная капля. В этот момент за его спиной послушались топот и крики.

Он обернулся и увидел троих бегущих мужчин. За ними

следовала толпа человек в двадцать. Ничего хорошего это не предвещало и Алекс мгновенно нырнул в дверь супермаркета. Люди продолжали бежать. Большинство из них что-то кричали, но стены из органического стеклобетона идеально экранировали любой звук. Внутри было чисто, тихо и прохладно. Алекс подошел к кабинке лифта, и дверь открылась перед ним. Люди на улице уже переворачивали автомобиль.

Лифт сам отвез его на седьмой этаж: лифт был оборудован детекторами простых мыслей, красными блестящими шариками в углах под потолком, и потому даже не имел панели с кнопками, он угадывал невысказанные желания каждого вошедшего человека. Когда лифт остановился, Алекс обернулся к задней зеркальной стене, чтобы поправить прическу. На стене было написано матерное слово, которого только что не было. Судя по всему, слово было написано люминисцентной краской, из баллончика.

Дверь лифта открылась и трое довольно хилых мужчин в голубой униформе продавцов бросились на Алекса. Некоторое время ему удавалось сопротивляться. Он даже разбил кому-то нос. Когда его подняли в воздух, он вывернулся и упал, здорово ударив локоть. Подняться ему не позволили; оставалось прикрывать голову от ударов чем-то увесистым и, судя по ощущениям, деревянным. Кто-то бил его ногой по ребрам, но не очень сильно.

– Достаточно! – скомандовал голос. – Тащите его сюда.

Его подняли и поставили перед боссом.

– Ты меня знаешь? – спросил босс.

– Никогда не видел.

– Я директор этого супермаркета. Ты понимаешь, как ты попал? Братан, на сколько это потянет?

Братан с расквашенным носом начал что-то вычислять, шевеля губами.

– Каждое зеркало, – сказал он, – стоит три тысячи ушек. – Поэтому три зеркала, и сегодня четвертое...

– Я не видел никакого зеркала, – взмолился Алекс. – Я вообще здесь в первый раз. Я только сегодня вышел.

– Обыщите, – приказал босс, и Алекса обыскали. Ничего не нашли.

– При нем ничего нет.

– Как ты это сделал?

– Что я сделал?

– Ты испортил зеркало в лифте. Это японское супер-экстра-плюс-зеркало с чистотой поверхности в четыре девятки. Оно такое одно на весь город. В смысле, только у нас. Ты взял краску и написал на нем матерное слово.

– Но у меня нет баллончика с краской.

– Вот об этом я и спрашиваю. Куда ты его дел?

– Он не мог его спрятать, – сказал братан. – Вроде некуда.

– Обыщите еще раз.

Алекса обыскали еще раз.

– Так, – сказал босс, – если это сделал не ты, то кто? Мы четвертый день следим за этим лифтом. Каждый день при-

мерно в это время на зеркале появляется матерное слово. И мы не можем увидеть того, кто его пишет. Даже если это писал не ты, ты все равно попал, потому что кто-то должен платить за все зеркала. Ты меня понял?

– Ваш лифт оборудован детекторами мыслей, – сказал Алекс.

– Конечно.

– Но почему в нем целых четыре детектора, когда достаточно и одного?

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, – продолжил Алекс, – что нужно внимательнее слушать рекламу. Это же одна из лучших современных торговых систем. Детекторы мыслей ловят мысль каждого выходящего посетителя, в течение суток обрабатывают информацию, определяют качество обслуживания, а потом выводят оценку обслуживания на зеркальной панели в виде надписи на местном языке.

– Оценку обслуживания в виде надписи на местном языке? Какие слова появлялись? – спросил босс.

– ..., ..., ... Последнее два раза, – ответил братан. Кровь на его губах уже начала подсыхать.

– Последнее два раза! – возмутился босс. – Это значит, что обслуживание у меня! Ну ладно, я вам покажу. Вызывайте лифт! Что там на улице?

– Паника, – ответил один из продавцов. – Наверное, увидели сгусток.

– Что? – не понял Алекс.

– Передавали по новостям, пацан. Про привидений слышал? Так это еще не все. Привидений многие уже не боятся. Попривыкли. Одного даже поймали в полиэтиленовый мешок, но точно не известно. А еще появился сгусток. Это такая непонятная вещь, что когда ты его видишь, тебе становится очень страшно, и ты бежишь, если есть куда. Первый сгусток заметили вчера вечером, в компьютерной церкви. А к утру их было уже восемнадцать. Сколько сейчас, я не знаю. Пожалуй, мы закроем двери и работать сегодня не будем.

Лифт подошел и дверь открылась с мелодичным звуком. Зеркало сияло сверхъестественной чистотой в четыре девятки – никакого слова на нем уже не было. Но зеркало не было пусто. За ним, в кристально чистом пространстве сочного полумрака висел сгусток ужаса.

Сгусток появлялся в городе уже несколько дней. На самом деле его видели на много больше восемнадцати официальных раз. Просто поначалу люди, парализованные страхом, никому не сообщали об увиденном. И в самом деле, о чем они могли сообщить? О том, что они видели нечто, не имеющее ни формы, ни цвета, ни плотности, нечто такое, что невозможно никак описать, видели и испугались? Да кто бы этому поверил?

Первый сгусток, который удалось заснять, появился вчера, в компьютерной церкви. Компьютерные уже почти вытес-

нили настоящие, потому что были гораздо дешевле. Вся компьютерная церковь помещалась в небольшом ящике с двумя ручками для переноски. В ящике находился мощный генератор виртуальных образов. Несколько десятков или сотен человек собирались вокруг генератора, включали его и видели, как вокруг них вырастают величественные стены громадного храма. А подключившись к генератору через пальцевый контакт, они могли не только видеть, но и слышать гулкие каменные плиты под ногами, эхо, отражающее шум шагов; могли даже ощутить вкус виртуально пригубленного виртуального вина или обжечь палец о виртуальную свечу. Кроме того, они могли послушать и посмотреть на прекрасно смоделированного виртуального священника.

Тот вечер начался с небольшого скандала: семеро набожных старушек узрели виртуального бога и даже вполне сносно поговорили с ним. Бог дал им указания, пообещал долгую жизнь, полную гонений и мук за веру, и взял с них клятву, содержание которой старушки не разглашали. Старушки подробно, во всех деталях, описали одежду виртуального бога, его голос, манеру поведения и прочее. Но если стены виртуальной церкви (кстати, прозрачные снаружи) были просто удобным фантомом, позволяющим сосредоточиться, – то кем был виртуальный бог? И откуда он вообще взялся, незапрограммированный вовсе? Часть верующих склонялась к версии компьютерного вируса, остальные же непоколебимо уверовали в откровение.

Сгусток явился в тот момент, когда взаимное непонимание достигло апогея. Обе стороны оценили его как знак свыше, но истолковали по-разному. Высоко под куполом сгустилась движущаяся линза воздуха и вдруг будто бы повеяло холодом. Верующие подняли глаза и остолбенели. От сгустка веяло таким ужасом, что лишь несколько человек, находившихся вблизи входа, сумели вскочить и побежать, остальные будто примерзли к полу. Сгусток опускался, приближался, и от этого становился еще ужаснее. Вдруг женщины начали вопить. Кто-то упал на пол и стал биться в конвульсиях. Кто-то молился, кто-то истошно выл. И лишь семеро старушек, возможно, предупрежденных о страшном видении, не утратили мужества. Двое из них подобрали потерянные камеры и сняли сгусток с разных сторон, что позволило впоследствии провести компьютерного моделирование. Остальные пятеро выключили генератор и, когда виртуальные стены пали, продолжали успокаивать ошеломленных людей. Таким было первое официально зафиксированное явление сгустка. В этом случае обошлось без жертв, хотя два человека едва пережили обширные инфаркты и все еще находились в нестабильном состоянии.

Второй раз сгусток явился в двенадцать часов ночи и снова был зафиксирован на пленку. И теперь уж не обошлось без человеческих жертв, и неизвестно, хорошо это или плохо. Жертвой сгустка стал маньяк, душивший несовершеннолетних девочек. Говорят, что маньяк-душитель был од-

ним из тех несчастных, которые каким-то образом сумели избежать обязательной стандартизации в детстве. Во всяком случае, маньяк был слишком хитер и чересчур умен для нормального стандартизированного человека. Отсюда и его ненормальность – ведь такие люди не имеют возможности нормально общаться и постепенно сходят с ума. Сверхъестественный ум давал маньяку преимущество над стандартными следователями и сыщиками, так что маньяк оставался неуловим на протяжении шести лет. Говорят, что первую свою жертву несчастный задушил однажды ночью, лежа в тоскливом одиночестве, без сна, глядя в черный потолок своей квартиры и слушая всю ночь напролет жизнерадостные вопли удачно ошупываемых девочек. На следующий день он вычислил всех вопивших, нашел их и передушил по одиночке. Очевидно, он обладал недюжинной физической силой.

Душить ему явно понравилось, и он стал заниматься своим делом регулярно. Неизвестно, получал ли он сексуальное удовольствие от стонов умирающих, или старался просто из любви к искусству – теперь никто уже и не узнает, ведь маньяк умер. Накануне вечером мать одной из пропавших девочек обратилась в милицию, заявив о том, что знает, где найти маньяка. В милиции ее подняли на смех и прогнали, потому что ничего вразумительного она сказать не могла. Одни догадки, одни предположения. Впрочем, родительница каждой второй жертвы приходила в милицию с подоб-

ными заявлениями, и со временем всему этому просто перестали верить. Женщины сходят с ума потеряв ребенка, это понятно, но сумасшедший не может быть проводником. В тот раз вышло иначе.

Женщина, выследившая маньяка, купила микровидеокамеру, вставленную в пуговицу на блузке, и сама направилась в логово убийцы. Она надеялась застать дочь живой, потому что знала, что свои прошлые жертвы маньяк убивал не сразу, а вначале наставлял и воспитывал. Она нашла маньяка там, где и ожидала. Все, происходившее с этого момента, было заснято.

Чудовище было одето в красную рубаху с расстегнутым воротом и восседало на импровизированном троне. На плече его лежал лысый морщинистый кот. Комната была большой, пустой и полутемной. Ничего, кроме трона и четырех ходиковых стульев, умеющих самостоятельно удобно поддвигаться под пятую точку посетителя.

– Ты не выйдешь отсюда, – сказал маньяк, – сюда можно войти, но никто еще не выходил отсюда без моего позволения. Прежде чем ты умрешь, я хочу поговорить с тобой, чтобы понять, какой вид смерти тебе лучше всего подходит. Вы, люди, считаете смерть делом случая, но только потому, что плохо знакомы с ней. Я же знаю, что правильная смерть так же хорошо и приятна, как правильная жизнь. Я ведь душу далеко не всех, я действую разнообразнее.

– Я не уйду отсюда без моей дочери, – сказала женщина.

– Ах, ты все о том же. Конечно, не уйдешь. Ты не умеешь слушать, потому что как раз это я тебе и рассказывал. Есть сладость в смерти, есть особенный темно-красный огонь невыразимого оттенка.

– Оттенка джинсов моей дочери, – сказала женщина. – Когда она пропала, на ней были темно-красные джинсы.

– Уверяю тебя, их на ней уже давно нет, – сказал маньяк, – но ты права, в последнее время я предпочитаю темно-красные джинсы.

И в этот момент появился сгусток. Он появился совсем рядом, за спиной чудовища, он был и вогнутым и выпуклым одновременно, как ложка без ручки, и медленно поворачивался. Маньяк замолчал, увидев, как изменилось лицо женщины. Потом он обернулся. То, что он увидел, было последним в его жизни – видимо сгусток материализовался слишком близко, и импульс ужаса оказался смертелен.

К утру этого дня сгусток был заснят множество раз и стало ясно, что он не один, потому что несколько сгустков орудовали в городе одновременно. Они были разных размеров и формы, хотя говорить о форме можно было лишь очень и очень приблизительно: сгусток не имел четкой внешней поверхности, но внутри его иногда появлялись некоторые неопределенные структуры. Ужас, излучаемый сгустками, напрямую зависел от расстояния, чем дальше, тем меньше, однако напуганный народ, увидев сгусток даже издалека, сразу же впадал в панику, и это могло привести к непред-

сказуемым последствиям. Семеро набожных старушек выступили по телевидению и заявили, что им известна природа сгустка, но разглашать ее они пока не собираются. Кроме того, они заявили, что пропавшее человечество обречено на смерть и спасению не подлежит. Последний день близок. Кажется, они намекали на инопланетное вторжение, но не сказали этого прямо, зная, что по головке их за это не погладят. Храбрая мать спасла не только своего ребенка, но и трех чужих: четверо девочек и собака жили в подвале, неплохо питались и даже курили дорогие сигареты. Собака принадлежала одной из них. Все четверо на момент исчезновения имели на себе темно-красные джинсы. Куда эти джинсы делись, осталось неясным.

Алекс смотрел в зеркало. К счастью, помещение супермаркета было довольно просторным, да и сгусток, который висел за поверхностью зеркала, находился в глубине. Расстояние до ближайшего человека было метров семь или восемь. Волна ужаса была плотной и тяжелой, но каждый сумел сохранить остатки самообладания. Первым опомнился босс.

– Так, слушать сюда. Долбнев отвечал за качество обслуживания. Больше не отвечает. Но за ошибки надо платить. Сейчас он войдет в лифт.

– Я, – начал один из продавцов.

– Мне что, нужно повторять два раза? Ты войдешь в лифт и выключишь зеркало.

– Выключить?

– Ага. Оно же электронное. Если ты повернешь тумблер в левом нижнем углу, оно станет просто матовым куском железа. Я не хочу, чтобы эта дрянь вышла из зеркала прямо сюда. И мне нужен этот лифт.

Долбнев посмотрел на босса, прикидывая, какой из двух ужасов ужаснее. Затем вошел в лифт спиной вперед. Дверь закрылась за ним, но лифт остался на месте.

– На его месте я бы смотался, – предположил братан. – Закрыв бы глаза и двинул на первый этаж.

– Закрой пасть, иначе ты окажешься на его месте, – сказал босс. – Подождем еще две минуты, потом откроем дверь.

Через две минуты дверь открыли. Зеркало стало матовым, но Долбнев сидел на полу с совершенно пустыми глазами. Его нижняя челюсть отвисла и, казалось, он совсем не дышал.

– Проверьте пульс, – приказал босс. – только мертвяков мне тут не хватало.

К счастью, пульс еще прощупывался.

Когда Алекс добрался домой, он первым делом включил девятый информационный канал. Количество рекламы здесь было минимальным: всего пятьдесят на пятьдесят. Канал передавал в основном мировые и правительственные новости. Вначале шла мура о создании новых экономических структур разного ранга, о повышении и понижении всяких бес-

толковых индексов, о мировых ценах на треску и на трусики для беременных, затем прошло серьезное сообщение: в течение первой половины дня сгустки были замечены в ста двух странах из существующих на сегодняшний день ста сорок четыре. Особенно многочисленны сообщения из Меланезийской республики. Тут же давались рекомендации по поводу того, как себя вести при встрече со сгустком. Главной рекомендацией было отвернуться или закрыть глаза. Воздействие сгустка на человека было зрительным примерно на девять десятых. Оставшаяся десятая приходилась на некоторые неисследованные факторы.

Вслед за этим выступили специалисты с предположениями о природе сгустков. Все сходилось на внеземном происхождении. Основной тезис не вызывал возражений. Зато дальше каждый из экспертов нес свою собственную белиберду. Только сейчас Алекс заметил, что начал довольно прилично понимать по-английски, хотя учил язык так же, как и все – с помощью инфотаблеток. Инфотаблетки были удобным средством для запоминания стандартной информации, их обычно принимали перед экзаменами, а после экзамена все нормально вылетало из головы. Понимание чужого языка могло быть последствием мозговой травмы, вызванной воздействием светящейся фасолинки, другого объяснения Алекс не имел.

Пощелкав каналами, Алекс нашел передачу о призраках. Один из призраков был пойман в большой полиэтиленовый

пакет и принесен прямо на передачу, он отчаянно пытался вырваться. Казалось, что в пакете ничего нет, кроме движущегося воздуха, но призрак становился прекрасно видимым в поляризованном свете. Он переливался разными цветами, как пятно бензина на воде. Судя по всему, призрак был низкорослым и голым. На передаче присутствовала девушка, которая ухитрилась призрак изловить.

– Когда вы его в первый раз заметили? – спросил ведущий.

– Мы жили в лагере, в домике в два этажа. Вначале появился стук по ночам. Мы никому не говорили, боялись, что не поверят. Потом научились разговаривать. «Да» – это был один громкий стук, а «нет» – царапанье. Он рассказал нам, что его зовут Максим, и при жизни он был мужчиной, который утонул.

– Вы называли все имена, пока не угадали?

– Мы попробовали так, но оказалось очень долго. Тогда мы спросили его сколько букв в его имени, а потом узнали первую букву.

– Вы спрашивали его, почему он показался именно вам?

– Он ответил, что жил в соседнем домике, который теперь пустой, там даже осталось его нацарапанное имя. Он стал привидением, потому что его тело не всплыло. Мы его спрашивали, может ли он появляться в городе, но он сказал, что только там. Спрашивали о будущем: когда пойдет дождь, сколько рыб поймают, спрашивали о покойнике, как ему там живется. Говорил, нормально. Спрашивали, когда будет ко-

нец света. Говорил, что не знает, но скоро. Говорил, что алиены придут, то есть, инопланетяне.

– В конце передачи мы спросим его о сгустках, – объявил ведущий, – так как известно, что он всегда говорит правду. Как развивались ваши взаимоотношения? Насколько я понял, в комнате жили только молодые девушки. Он вам не мешал?

– О, нисколько. Нам даже нравилось раздеваться перед ним. Ему тоже нравилось, он начинал так часто-часто стучать, как зайчик. Это было очень весело. Потом он нам надоел, потому что мешал спать по ночам. Мы говорили ему перестать стучать, но он не слушался. Тогда мы попробовали его прогнать, даже крестом, но не помогло. Потом мы развесили полынь, свежую. Оказалось, что помогает только сухая. Полынь стала засыхать и он начал стучать меньше и тихо, как умирающий. С запаздыванием и реже. Мы его спрашивали, здесь ли он, среди нас? Он отвечал, что да. Спрашивали, что у него такие длинные руки, что можно стучать сразу по двум стенам? Отвечал, что да. Он ходил по комнате и везде садился. Когда он садился на людей, то ноги холодели. Маша ему нравилась больше всего, и он любил сидеть у нее на коленках. Он в нее частично вселился и разрешал себя видеть. Она видела его все время и могла разговаривать с ним словами. Когда он сидел у нее на коленях в темноте, мы быстро включили фонарик и его увидели, он испугался и закричал. Он был в джинсах, с бутылкой, и глаза светили

красным. Потом они с Машей стали уединяться. Но я знала куда. С соседний домик. Однажды ночью, когда они спали, я подкралась и набросила полиэтиленовую пленку. Поэтому я поймала его голым.

– А что Маша? – поинтересовался ведущий.

– А Маша ничего. Она же мне помогала, мы с ней договорились. И она принимала таблетки, на всякий случай, она не хотела забеременеть от призрака. Ха-ха-ха! – представляешь!

– А теперь мы спросим его о сгустках! – сказал ведущий, – но вначале прервемся на рекламу.

Реклама, как ни странно оказалась не очередным бестолковым музыкальным ором в духе: «только я! и только для тебя!». Серьезный мужик в очках рекламировал новый препарат Анти-С и объяснял полезность его применения. По его словам выходило, что ученые совсем недавно выделили из больного человеческого мозга особую биоэнергию стыда, которая оказалась ядовитой – сильнее, чем никотин. Что-то среднее между никотином и ядом гюрзы. Энергия стыда имеет свойство накапливаться в клетках мозга и, после превышения некоторого предела, толкает человека на самоуничтожение. В пример приводились две молодых воровки, укравшие презервативы в супермаркете и пойманные с поличным. Одна из них, нестыдливая, отделалась штрафом, а вторая ушла из престижной школы после того, как сюжет о краже презервативов показали в прямом эфире. Нестыд-

ливая же, впоследствии, даже сумела извлечь пользу из своей мимолетной известности: ее фотки появились на пачках с презервативами, и она получила приличный гонорар. Мужик в очках объяснял, что избыток энергии стыда на самом деле такая же болезнь, как и недостаток гормонов, или любая другая. За последние несколько веков человечеству практически удалось избавиться от этой внутренней отравы, которая на самом деле уже унесла миллионы жизней, но стыд в небольших дозах все еще отравляет жизнь многих людей. Этому может помочь новый абсолютно эффективный и безвредный препарат Анти-С (лепорийская формула и разработка, а это о многом говорит). С четырнадцати ноль-ноль сего дня этот препарат будет в неограниченных количествах предоставляться во всех общественных туалетах, для всех желающих избавиться от излишнего стыда, и притом бесплатно.

На этом странная реклама прервалась. Передача о призраках уже закончилась. Зато на экран выкатилась в полном составе команда «Шоу бесстыжих» и заявила, что никакого препарата Анти-С не существует, а существуют лишь козни конкурентов программы. Шоу бесстыжих еженедельно проводило городской конкурс на самого бесстыжего и бесстыжую. Конкурс пользовался искренним обожанием зрителей.

Глава шестая: Охотник

После того, как микросферу сломали, ее отослали в ремонт. Отослали все то, что осталось целым. Самая главная деталь, желтая полусфера, оказалась безнадежно испорченной. Нападавший пытался процарапать ее металлическим предметом; и из-за сильного разряда в полусфере проплавилась дыра величиной с грецкий орех. Еще два дня на Лору смотрели косо, потом выдали новый прибор. К сожалению, новая микросфера весила целых тридцать два килограмма; Лора с трудом отрывала ее от заднего сиденья своего автомобиля, а о том, чтобы куда-то нести такое чудище, и речи быть не могло.

В эти дни в контору не поступало новых доносов. Люди были слишком заняты ловлей призраков и сгустками, которые появлялись то здесь, то там. К понедельнику напряжение в городе начало спадать. Призраков стало явно меньше, и они больше никого не пугали, напротив, за поимку живого призрака пообещали награду в триста пятьдесят ушек. Теперь банды подростков дежурили ночами на кладбищах, в заброшенных домах и прочих подобных местах, надеясь быстро и без проблем заработать. Призраки были обречены. Сгустки продолжали время от времени появляться и здорово пугать народ, но даже к ним люди как-то попривыкли.

Во вторник в контору пришел первый донос. Звонила

женщина и жаловалась на своего сожителя. Лоре поручили разобраться. Она связалась с женщиной по видеofону.

– Я живу с ним уже шесть месяцев, – говорила женщина, – и все шесть месяцев я его не понимаю.

Позади звонившей тихонько бубнила самоговорящая газета, читавшая вслух сама себя. Женщина была одета в стробоскопическое платье, которое становилось то видимым, то невидимым, с частотой четыре раза в секунду. Под платьем виделось тело, искаженное оптическим симулятором фигуры, как автоматически отметила Лора. На женщине была дорогая косметика в виде движущихся неоновых насекомых. Итак, она его не понимает. Ну и что?

– Такое бывает, – сказала Лора.

– Я знаю. Но у меня никогда такого не было. Я обыкновенная нормальная женщина, отличный миксер, и этим горжусь (мискерами называли людей, любивших и умевших проводить время в компании), я с ним разговариваю и разговариваю, но никак не могу его расколоть.

– Может быть, его не нужно раскалывать? – спросила Лора.

– Если бы! Он же сплошная тайна. И он совершенно не пьет. Ничего спиртного. Не пьет даже пива, даже самого дорогого.

– Даже харьковскую «Рогань»?

Харьковская «Рогань» считалась лучшим пивом современности. Сам Харьков был объявлен, по такому случаю, го-

родом пива. Летние съезды партии любителей пива проходили именно там.

– Даже ее! – сокрушалась женщина. – Он не ест даже Линги-Бинги!

Линги-Бинги были грибами, содержащими безвредный наркотик. Их любили даже дети, объедались ими на праздники. Не ест Линги-Бинги?

Это уже было серьезно. Никто не станет отказываться от пива без серьезных причин. Человек, который не пьет, либо сильно болен, либо боится опьянеть и выболтать что-то очень важное. Но что важное может скрывать обыкновенный человек?

– А если он болен? – предположила Лора. – какой-нибудь цирроз печени? Допустим, он бывший алкоголик, который крепко завязал?

– Ничего похожего. Он здоровый, как бык. Как три быка. Как тридцать три быка. Если честно, то такого здорового мужика я никогда в жизни и не видела. Я пыталась, я подливала ему водку в салат, вместо подсолнечного масла, но он ее вынюхал. Я делала шашлыки в вине, но он не стал их есть. Я впрыскивала шприцем немножечко внутрь шоколадных конфет, а потом зализывала дырочку языком, чтобы было не видно. Он отказывался есть эти конфеты. Я закатывала ему скандалы, говорила, или диета, или я.

– И что же?

– Не стану же я его бросать в самом деле?

– Логично, – согласилась Лора. – Еще что-нибудь? Ты не пробовала его просто спросить?

– Пробовала. Он не отвечает или выкручивается. Он очень хитрый.

– Ты спрашивала его о прошлом?

– Конечно.

– Что он рассказывает?

– По-моему, сплошное вранье. Он даже не пытается выдумать что-нибудь похожее на правду.

– Ладно. Тогда я приеду. Жди.

За последние дни Лора сильно изменилась. Как профессиональный стандартизатор, она очень хорошо понимала, что с нею произошло. Она не строила никаких иллюзий: это была острая нестандартность, перешедшая в хроническую. И это было очень плохо. Во-первых, нестандартность, если бы ее удалось доказать, автоматически означала бы потерю любимой работы. Во-вторых, даже если умело скрывать ее первое время, она все равно когда-нибудь, да проявится. Нестандартность всегда прогрессирует. В третьих, если она сама не сообщит о своем заболевании, она тем самым нарушит присягу, которую давала при вступлении на должность. И это расценивалось как серьезное преступление, как намеренное распространение нестандартности. В худшем случае это означало – она не стала подсчитывать, что это означало, просто подъехала к нужному дому и вышла из машины.

Последние два дня ей удавалось держаться на таблетках Анти-С, которые действительно можно было взять в любом общественном туалете. Реклама таблеток по телевизору не прекращалась, хотя вызывала массу подозрений и протестов: реклама просто наезжала на другие передачи. А таблетки, действительно, помогали. Реклама утверждала, что ослабление стыда позволяет вылечить заикание, энурез, любые невротозы и половину психических болезней. Так что Лора принимала по три таблетки в день, и ей становилось легче. Так можно было еще долго тянуть. Впрочем, оставался еще один выход: использовать микросферу для самой себя. Но каждое включение прибора автоматически регистрируется, и об этом сразу же станет известно. Последствия будут зависеть от того, насколько сильно будет заинтересовано начальство в очередной показательной экзекуции. В этом случае тоже можно потерять работу, а можно отделаться и легким испугом.

Дом стоял в пригороде. Точнее, в том месте, куда докатилась и остановилась, отхлынув, волна многоэтажности. Восьмидесятиэтажные небоскребы плечом к плечу вдвигались в зелено-красное море пластиковых крыш и деревьев, подобно огромному отвесному утесу. Вдалеке, на холмах, виднелся настоящий сосновый лес, который начинался прямо за городом. Над лесом возвышалась, едва видимая отсюда, голубая из-за расстояния массивная стрела Башни Спасения – шедевра современной шоу-индустрии. Одна сторона широ-

кой улицы состояла из небоскребов, другая – из двухэтажных домиков. Лора подошла к забору и позвонила. За забором клонились настоящие спелые вишни.

Подозреваемый не понравился ей с первого взгляда. Не понравился в профессиональном смысле. Он сразу же вызывал подозрение. Что касается остального, то это был высокий и, видимо, очень сильный, уверенный в себе мужчина, широкий в кости и даже немного грузный. Когда Лора попросила, он поднял тридцатидвухкилограммовый прибор и понес его, как пушинку. Он водрузил микросферу на стол, и Лора изложила свои соображения.

– Тебе не понравилось только мое отношение к алкоголю? – спросил он. – И это все?

– Пока я не могу сказать. Это была всего лишь причина, по которой мы тобой заинтересовались. Это была причина для подозрений. И теперь я собираюсь проверить свои подозрения.

– Насколько точен этот прибор?

– Абсолютно точен. Он способен просканировать тебя и определить уровень нестандартности по двенадцатибальной шкале. После этого у нас есть возможность безболезненно снизить этот уровень, если он окажется опасным. Я думаю, он окажется.

– Почему?

– Опыт работы. Я работаю всего два года, это немного, но у меня были десятки случаев. Настоящий нестандарт я вижу

на расстоянии. По выражению глаз. У тебя есть это выражение.

– Какое?

Лора задумалась.

– Это трудно сформулировать. Это не только в выражении глаз, но и в выражении губ, это во всем лице. Даже в позе и в голосе. Но в глазах – больше всего. Взгляд слишком прозрачен. Как будто, ну я не знаю. С таким взглядом невозможно сниматься в рекламе.

– С твоим взглядом тоже, – сказал мужчина, и Лора сразу испугалась его слов и глаз. Это те глаза, которые не столько воспринимают падающий свет, как у всех нормальных людей, но еще и излучают нечто проникающее, изучающее, понимающее больше, чем нужно.

– Для начала я предлагаю тебе выпить, по дружески, – сказала Лора. – Это будет тестом. Потом закусим и забудем обо всем.

На столе стояла тарелочка с помпсом, так назывались вкусные кусочки, умеющие пищать и шевелиться.

– Давай выйдем в коридор, – предложил мужчина. Он встал и ходиковый стул поспешно отбежал в сторону.

Они вышли в коридор, а потом во дворик. Вишни, такие натуральные на первый взгляд, оказались пластиковой подделкой. Здесь же, в саду, был припарковал небольшой турбокрыл, похожий на уродливого жука без лап. Турбокрылы были личным воздушным транспортом, очень медленным,

но удобным для перелета на малые расстояния. В каждом из них было две вертикально стоящих турбины, который вертелись с такой скоростью, что отталкивались от воздуха, как от твердой опоры. Верхняя часть турбин была скрыта кожухом, который гнал вниз дополнительные потоки воздуха. В полете турбокрыл выглядел и гудел, как толстый шмель.

– Если я выпью, мне придется тебя убить, – сказал мужчина.

– Ты думаешь, что убийство может кому-нибудь сойти с рук?

– Я думаю, что убийства постоянно сходят с рук на этой несчастной планете. Впрочем, ты ведь все равно не отвяжешься от меня, да?

– Да.

– Тогда вот что я тебе скажу. Я не убью тебя по одной простой причине: ты тоже не такая, как они. Я прав? Как это получилось?

– Это была профессиональная травма. Но я собираюсь подлечиться, и все будет в порядке. Я уже лечусь.

– Ты используешь этот прибор для самой себя?

– Может быть.

– Ты никогда этого не сделаешь, – сказал мужчина. – Хочешь поспорим? Ты это делаешь прямо сейчас, а я соглашаюсь на все твои условия. Согласна?

– Сейчас мы говорим не обо мне, – она сменила тему.

– Ладно. Я тебе скажу, потому что на самом деле мне это

ничем не угрожает. Ваши человечики никогда меня не поймут, даже если будут гоняться за мною всей толпой. Я охотник.

– Что? – удивилась Лора. Она никак не ожидала такого продолжения событий. Все что угодно, но не это.

Охотник. Три поколения назад, когда человечество, наконец разгадавшее тайну гравитации, еще едва вошло в эру дальних космических полетов, появились люди, которым не нравилось жить на Земле. Общим настроением тогда была эйфория: вдруг оказалось, что за несколько дней или недель можно достичь любой точки видимой Вселенной, было обнаружено множество планет, пригодных для жизни человека, да еще как пригодных! За каких-то пять-шесть лет весь обозримый космос, более или менее пригодный для полетов, был оплетен паутиной гравиструн. Скорость света теперь стала не верхним, а нижним пределом быстроты для больших и малых гравилетов. Вскоре, в разных местах галактики, обнаружили артефакты, предметы, изготовленные другими цивилизациями, и стало ясно, наконец-то, что Земля это не центр мира. Всего лишь окраина, провинция, захолустье. И тогда большие группы людей стали покидать Землю, чтобы найти себе новый дом. Историки назвали это Большим Исходом. Люди продолжали уезжать и после этого; в сущности, каждый день Земля теряла сотни или тысячи человек. Но за два или три года Большого Исхода уехали миллионы. Тогда же возникла цивилизация Лепориев, интеллектуальных из-

гоев. А планета охотников была где-то в созвездии Стрельца. Или это было несколько планет, Лора не знала точно, потому что об охотниках предпочитали не говорить.

– Охотникам запрещено появляться на Земле, – сказала она.

– У меня здесь дело.

– Тебя поймают.

– Вряд ли. Я здесь уже восемь месяцев, и до сих пор меня никто не заподозрил. Не заподозрил до того, как эта курица на меня донесла, я хочу сказать. Я прожил с нею почти полгода, она меня любит, и все-таки она на меня донесла. Как тебе это нравится? Ей ведь ничего не угрожало. Но я не расстраиваюсь. Я закончу свои дела и уйду. Земля стала слишком опасным местом. Здесь больше нельзя жить.

– Опасным даже для охотника? – Лора ухмыльнулась.

– Для всех и для каждого. Нужно быть слепым, чтобы этого не видеть. Впрочем, вы и есть слепцы.

– О чем ты говоришь?

– О событиях последних дней. О том, что вы называете сгустками и призраками.

– Ты знаешь, что это? – насторожилась Лора.

– Я знаю, что это.

– Что?

– Это предварительные бомбардировки. Бомбардировки перед большим вторжением. Боюсь, что оно может начаться в ближайшие дни.

– Но в бомбардировках обычно гибнут люди.

– Они, кто бы они ни были, заинтересованны в том, чтобы взять как можно больше людей живыми. Они – это те, кто собираются прийти. Я не знаю, кто они. Не имею ни малейшего понятия. Но я, в отличие от вас, умею думать и анализировать факты. И у меня есть опыт войны. Я знаю, что это такое. Они просто хотят взять людей живыми. Значит, у них есть на это причины. Может быть, они хотят использовать вас как рабов, но это маловероятно. Вы слишком слабы, напыщенны и бестолковы для хороших рабов. Может быть, они хотят вас съесть и поэтому предпочитают сохранить свежими. Это вполне вероятно. В любом случае, отсюда нужно срочно убегать.

– На Земле очень много оружия. Мощные системы обороны, самые мощные и надежные за всю историю. Мы защищены настолько хорошо, что можем уничтожить любую пылинку в радиусе нескольких световых лет. Плюс огромные ресурсы и желание людей защищаться. Земля это крепость. Они не смогут войти так просто.

– А я не сказал, что это будет просто. Я сказал лишь, что вам не будет пощады. Судя по оружию, которое они используют, они совершенно не похожи на людей. Это не просто чуждая форма жизни, это сверх-чуждая форма. Мы можете сколько угодно представлять их себе в виде пауков, скорпионов, драконов, зубастых червей и прочего, но вы никогда не угадаете. Этого нет в вашем опыте. Вы их никогда не пой-

мете. Может быть, вы их даже не увидите. А они никогда не поймут вас. Поэтому и не будет пощады. А что до умения людей держать оборону и, тем более, их желания защищаться, так это просто ерунда. Земные люди уже давно ни на что не способны. Это мягкое стадо, большое и глупое стадо. Сытое стадо без вожака и без пастуха. Овцы съели своих вожаков. Теперь придет чужой и начнет резать стадо. И вы ничего не можете сделать. Это должно было произойти раньше или позже. Единственное, что можно сказать тебе в утешение, это то, что умирать в большой компании не так страшно, как в одиночку. Призраки и сгустки это только начало. Уже скоро вы увидите что-нибудь новенькое.

– Как так получилось? – спросила Лора. – То есть, я знаю как это получилось, у меня были спецкурсы по истории стандартизации, и я сама десятки раз объясняла все это людям. Но на самом деле я не понимаю. Только сейчас я поняла, что ничего не понимаю.

– Это одна из причин, по которым мы покинули Землю. Наши общие предки привели эту планету в порядок, они отвоевали в последних войнах, извели последних шизофреничных тиранов, уничтожили голод и основные болезни. Они построили основу всеобщего счастья. Но, как только это случилось, на нас навалилась новая страшная волна – волна тупости. Все счастливое общество было построено на экономической основе, никой тирании, никакого принуждения или диктата. И вдруг оказалось, что тупость экономически

выгодна. Все просто: удовлетворить идиота гораздо дешевле, чем мудреца. Первым свалилось искусство. Искусство уже тогда было коммерческим. Оказалось, что гораздо дешевле раскрутить бездарь, чем раскрыть гения. Те, кто искали гениев, и даже те, кто находили гениев, быстро прогорали, потому что бездари работали быстро, много и в точности под заказ. Элементарная арифметика. Вы берете за работу миллион, когда другой делает работу за тысячу или две – значит, вы должны уйти. Или научиться работать дешевле. Вначале умерла музыка. Схема была очень простой: крути два десятка посредственностей, из тех, что под рукой, а гения не подпускай и на пушечный выстрел. Кстати, первые опыты по стандартизации проводились именно с музыкально одаренными детьми. Если бы хоть один из таких детей смог когда-нибудь пробиться на эстраду, на диски или на экран, то уже своим появлением об бы повалил все те авторитеты, на которые народ молился десятилетиями. Это была бы экономическая бомба. Допустить талант на эстраду, было бы равноценно серьезной диверсии. Поэтому на эстраде и на экранах кривлялись шуты, а за гениями охотились и уничтожали в детстве. Их стандартизировали. Их стандартизируют и до сих пор.

– Ты сгущаешь краски, – возразили Лора.

– Немного. Музыкальные таланты пока оставались в области классической и сложной музыки. Они создавали музыкальных динозавров, которых слушало все меньше и меньше

людей. Постепенно эта музыка вымерла сама собой. Динозавры свалились под собственным весом. Потом пришел черед фильмов и театра. Хороший фильм стоил сотню миллионов и снимался годами, а серия простого сериала лепилась за несколько дней, без единого дубля. Посредственность выгоднее гения не только потому, что она дешевле. Еще потому, что ее легче найти. Потому, что она легко управляема. Потому что она понятна большинству и близка большинству. Только посредственность может быть по-настоящему популярна. Но посредственность боится гения, потому что гений уничтожает ее уже одним своим существованием. Холмик может казаться горой только тогда, когда поблизости нет настоящих гор. Лягушка может объявить свою лужу морем, только если никто не видел настоящего моря. Если хотя бы кто-то его видел, объявлять лужу морем в сто раз труднее и в тысячу раз дороже. Вот поэтому каждый нестандартный человек может причинить больший ущерб, чем грабитель банков. Ты знакома с математикой?

– Я учила кое-что.

– Например, таблицу умножения?

– Помню, но могу ошибиться, – сказала Лора. – Все вычисления выполняют машины.

– Понятно. Так вот, в математике есть такое понятие – кривая Гаусса, нормальное распределение. Как бы мы ни сортировали людей, по любому признаку, громадное большинство людей оказываются примерно в центре этой кривой

– они оказываются средними. Восемь из десяти имеют средний рост. Восемь из десяти имеют средний ум. Восемь из десяти имеют средний вкус. Если ты хочешь, чтобы восемь из десяти заплатили тебе деньги, ты должен потакать посредственности. Вслед за музыкой и фильмами пришел через литературы. Но литература держалась долго. Издатели выпускали только то, что покупается. Но книга – это все-таки не фильм и даже не видеоклип. Экземпляр книги в тысячи и в миллионы раз дешевле. Поэтому еще долго выходили книги для тех самых двух из десяти, тех двух, которые не попали в центр кривой Гаусса. Конечно, такие книги стоили дороже и они выходили небольшими тиражами. Поэтому литературные таланты начали уничтожаться позже других. Идея была в том, чтобы предотвратить возможную опасность, чтобы приобщить тех самых двоих из десяти к общей веселой, сильной и потной группе. С экономической точки зрения это оказалось не менее выгодно, чем, например, изобретение паровоза в свое время. В этом одна из причин вашего благоденствия. В том, что вы стандартны и устойчивы. У вас нет войн, кризисов, преступлений века, вообще нет политики, нет никаких отклонений, которые которые порой ставят цивилизацию на грань гибели.

– Ты говоришь об этом так, будто всю жизнь только и изучал историю этой планеты.

– Во-первых, мой дед жил на Земле. Он видел все это собственными глазами. Во-вторых, наша цивилизация в опре-

деленном смысле основана на вашей. Мы оттолкнулись от ваших ошибок, чтобы пойти в другую сторону. Поэтому мы знаем и помним ваши ошибки. Большинство уехавших во время Великого Исхода были нестандартными людьми. Они предпочли бегство сопротивлению. В этом наша вина перед вами. Если бы мы не ушли тогда, вы бы не были такими стандартными сейчас. Вы бы не были беззащитным стадом.

– И что же дала вам ваша нестандартность?

– Пол столетия войн. Шесть страшных диктатур. Пандемии нервных и психических болезней. Сумасшествия и стрессы. Неуверенность во всем. Громадное количество самоубийств. Извращенную культуру, понятную одиночкам. И безумное счастье понимания жизни.

Лора помолчала, обдумывая его слова.

– Вы бы не променяли это ни на что?

– Ни на что.

– Почему вас называют охотниками?

– Большинство наших мужчин живет охотой на кибернетического зверя. В некотором роде это шоу-бизнес. В некотором роде – глубокая сущность нашей культуры. Мы сделали себя не только нестандартными. Мы сильнее, выносливее и намного быстрее вас. Десять ваших мужчин не справятся со мной, даже если у меня будут завязаны глаза. Прости, мне нужно уйти.

Только что он стоял рядом, и вдруг его не стало. Лора обернулась и посмотрела по сторонам. За ее спиной было два

коридора с открытыми дверями. В каком из них он скрылся?

Выезжая на проспект, она услышала крик. Толстая женщина в черном строгом платье подбросила желтую сумку над головой, заорала визгливо, хрипло, страшно, с надрывом, и грохнулась лицом на камень. Потом поднялась и, продолжая кричать, нетвердой походкой вышла на середину улицы. Там упала и продолжала дергать руками и ногами. Лора вышла из машины. В ней боролись три чувства: брезгливость, любопытство и желание помочь. Равнодействующая трех векторов толкнула ее вперед. Она увидела, как кто-то роется в брошенной сумке из желтого пластика. Машины медленно объезжали лежащую, но ни одна из них не остановилась.

– Эй, дура, – довольно равнодушно позвал воришка, – сумку заberi.

Женщина поднялась и, переставляя ноги как костыли, пошла к краю дороги, обняла светофорный столб, сползла по нему вниз, на колени, и завывала еще громче. Потом снова вышла а проезжую часть, опять упала, но теперь ее подняли и повели куда-то. Сумка осталась валяться под деревом. Наверняка в ней уже не осталось ничего ценного.

Этот вой преследовал Лору до самого вечера. Этот вой ей снился ночью. А, проснувшись утром, она вспомнила слова охотника о том, что сгустки и привидения – это только начало. Начало бескровной охоты за людьми.

Глава седьмая: Донос

Утром ей пришла почтовая посылка. Она развернула бумагу и прочла название книги: «Сборник лучшего туалетного юмора. 2116 год.» Несмотря на то, то еще не закончился 2115. Как известно, юмор бывает туалетный и эротический. Эротический гораздо лучше смотрится на видеокассетах. Сборники туалетного считались изысканным чтением, они не успевали попасть в свободную продажу, а рассылались по подписке. Несмотря ни на что, народ продолжал читать.

Но сегодня она полистала страницы и ни разу не улыбнулась. Потом поставила сборник на полку, к четырем другим, таким же. Ничего, кроме печали, нестандартность не приносит. Кому, как не ей об этом знать? Пол столетия войн, страшные диктатуры, неуверенность и стрессы, куча самоубийств и болезней. Что такого еще хорошего он там добавил?

Сегодня она могла не идти в контору, потому что имела много мелкой работы с документами, которую обычно делала на дому. Она открыла файл, посмотрела на страницу и снова закрыла. Она не могла заниматься этим. Она чувствовала то же самое, что чувствует человек, работавший за гроши и любивший свою работу, но вдруг получивший миллион в наследство. Работа, которая еще недавно была главной в

ее жизни, теперь стала невыносима. Она отложила документы и включила юмористический канал. Комедия называлась «Особенности национального пищеварения» и была продолжением некоего древнего сериала, не утратившего популярности и по сей день. Разумеется, что вместо давно ушедших актеров роли исполняли их компьютерные копии. Она переключила канал, но там шло спайс-шоу «Скандал... Скандал? Скандал!». Это она тоже не могла смотреть. И тут включился видеофон. Это была контора.

– Плохо выглядишь, – сказал Львович. – опять не спала?

– Да вот, зачиталась, – она показала экрану сборник туалетного юмора.

– Сосисочка моя, я тоже получил такой же утром. Почта приносит его в семь тридцать. Как ты могла зачитаться и не выспаться, если сейчас восемь пятнадцать?

Лора замолчала и почувствовала, что что-то происходит с ее лицом. Кажется, это называется покраснеть. Львович смотрел внимательным взглядом удава. Это был конец.

– Я не хотел тебя расстраивать, – сказал он, – но на тебя пришли две бумажки. Я их пока не регистрировал, но теперь вижу, что был неправ.

– Бумажки от кого?

– Да какая тебе разница? Женщина из школы видела, как ты себя странно вела на собрании родителей. Плюс из больницы, они говорят, что ты попустительствовала, но не говорят конкретно, в чем это выжалось. На вторую можно бы-

ло бы и плюнуть, но я ведь тоже не слепой. Что происходит?
– Ничего.

– Оно и видно, что ничего. Не вздумай сбежать. Мы будем через сорок пять минут.

Такое предупреждение означало только одно: ей дают возможность сбежать. Точнее, дают возможность сделать бесполезную и бессмысленную попытку побега, потому что бежать на самом деле некуда. Они хотят посмотреть, побежит ли она, а если побежит, то куда. Лора прекрасно знала такие игры, потому что сама участвовала в них не раз. И они знают, что она об этом знает, и они при этом думают... Впрочем, нет. Они ничего не думают. Они не умеют думать. Они просто ждут, что она побежит, и хотят повеселиться. В каждом есть инстинкт погони, каждому хочется напугать, догнать и вцепиться в глотку.

Алекс перестал ходить на работу. Его уволили в связи с производственной травмой. Новый глаз сильно искрил по вечерам, когда в кафе включались системы электронной музыки. Искрил так сильно, что его приходилось выключать. Выключенный глаз имел вид черного шара без всяких деталей и отпугивал клиентов. Поэтому пришлось увольняться. Так как травма была производственной, ему выдали приличную компенсацию, на которую он выкупил свой Рено-Бубс. На оставшееся он мог жить еще месяцев шесть или восемь. Сейчас он не занимался ничем серьезным. Последние дни

он спал, а ночами читал книги, выкачивая их из ночных Интернет-каналов. Он зачитывался до головокружения, а потом проваливался в жаркий и беспокойный сон. Книги его и влекли, и раздражали одновременно. Их было слишком много, и они прочитывались слишком медленно. И еще ни разу он не был уверен, что прочел именно ту книгу, которую собирался. Книги напоминали жидкий суп: в основном подсоленная вода, а где-то на дне лежат кусочки картошки и лапши, которыми тоже не наедаешься. Многие книги были слишком сложными, но Алекс чувствовал, что эта сложность неестественна, что на самом деле за нею ничего не стоит. Истина должна быть простой. Позавчера он попал на залежи старой фантастики и вот уже два дня не мог оторваться, хотя фантастика уже начинала надоедать.

В восемь пятнадцать включился экран видеофона. На экране была женщина из службы стандартизации. Алекс ждал этого. Это должно было случиться. Вначале он раздумывал то том, а не бежать ли ему, но после здравого размышления понял, что бежать некуда. Итак, его время пришло.

– Как видишь, я не сбежал, – сказал Алекс. – Мне собираться?

– Да. Срочно. Машину тебе вернули?

– Давно уже.

– Через двадцать минут будь у меня, – она назвала адрес, – я объясню тебе все на месте.

– Что с собой взять?

– Ничего. Мне просто нужна твоя помощь.

– А с какой стати я буду помогать?

– Помоги мне просто так, – сказала Лора.

– Просто так работают только влюбленные проститутки, – возразил он.

– Тогда помоги мне как человек человеку.

– Как человек человеку?

– Когда я была в твоей квартире, я тоже смотрела на ЭТО.

– Серьезно? – удивился он.

– Куда уж серьезнее. Ты меня предупреждал, но я не поверила.

Они съехали с окружной и остановились на краю лесополосы.

– Почему ты мне помог? – спросила она.

– Это просто. Мне не хватало повода, чтобы решиться. Я ухватился за первую возможность.

– Ты тоже хотел сбежать?

– Хотел, но не мог. Наверное, я по натуре трус, – сказал Алекс. – А теперь я сжег мосты. Это так называется.

– Трус или не трус, этого никто о себе не знает, пока не придет время.

– Они нас поймают?

– Обязательно, если мы не выдумаем что-нибудь экстраординарное. Что-нибудь такое, о чем они никогда в жизни не догадаются. Наше единственное преимущество внутри нас:

мы думаем иначе. Мы должны этим воспользоваться.

– Мы умнее?

– Нет. Мы просто другие. Нужно догадаться, что сделал бы на нашем месте обыкновенный человек и сделать наоборот.

– Тогда махнем в центральный парк. Погуляем, а вечером поедем за город, печь шашлыки и ловить рыбу. Возьмем напрокат палатку. Недельку поживем, а потом что-нибудь придумаем. Как долго они будут нас искать?

– Пока не найдут, – сказала Лора. – Но это должно сработать. Еще никто, насколько я знаю, не убежал в центральный парк. Люди предпочитают забиваться в щели, как крысы, и ждать, пока их оттуда вытащат.

Центральный парк был весел и умеренно пьян. На главной аллее проходило еженедельное шоу современных купальников. Все сегодняшние купальники состояли из одного и того же: из кистей мужских рук. Причем руки были смоделированы так, что внешне не отличались от настоящих. На них было все: и ногти, и морщинки, и мелкие шрамы, и волоски; они имели объем и фактуру настоящих рук. На них были настоящие вены, а желающие даже могли пощупать, как бьется пульс на запястьях. Пульс стучал быстро, а от желающих пощупать просто отбою не было. Платой за ощупывание служил всего один громко рассказанный анекдот. Толпа смеялась, гудела и орала. Венцом программы был купальник, который умел двигать пальцами. Но когда он раздвигал

пальцы, под ними всегда оказывалась рекламная наклейка. Это было отличное недорогое шоу. Люди веселились совершенно беззаботно, без задних мыслей, так, как будто бы и не было событий последних дней, так, как будто бы вокруг них не сгущалась тьма.

Они съели мороженое, купили по палочке ионизированного липетили и вернулись в машину. Над аллеями скакала веселая песня, такая громкая, что звенело в ушах. «И глючит Виндоус две тысячи сто пятый покруче, чем предшественник его!» – таким был припев. Толпа орала, визжала и хохотала, поэтому пришлось поднять стекло и включить систему гашения шума.

– Вчера я говорила с одним человеком, – сказала Лора, глядя сквозь стекло на безмолвно пролетающий рой человеческих снежинок. – Он профессионал, и он говорит, что это вскоре закончится. Он говорит, что нас ожидает война, которую мы никогда не выиграем.

– Война с кем?

– Я не знаю. И, честно говоря, я не хочу ему верить. Это невозможно. Я выросла в этом мире и привыкла считать его самым лучшим из существующих или существовавших. Сейчас я вижу, что он немного глуп, немного уродлив и перевернут вверх ногами, но я все равно его люблю. Потому что я родилась здесь и здесь все мои первые воспоминания. Я выросла в пригороде, там была река и невдалеке дачи. Когда я сейчас попадаю в те места, у меня стучит сердце. Каким

бы убогим ни был предмет любви, любовь всегда остается настоящей. Я не хочу верить, что все это может разрушиться, хотя и знаю, что это возможно. Верить и знать – разные вещи. Одно другому не мешает.

– Может быть, – сказал он. – Если нас поймают, что нам грозит?

– Немного. Немного с точки зрения этих людей. Тебе все те же шесть месяцев. Мне до двух лет. И, конечно, потеря работы. Но не это главное. Как сказал вчера тот же человек, это безумное счастье понимания жизни, которое не променяешь ни на что. Я не хочу становиться тупым и сытым роботом, я хочу быть человеком, и жить человеком или, по крайней мере, умереть человеком. Я пойду до конца.

– В таком случае надо что-то делать.

– Например?

– Например, для начала посмотрим криминальный канал, – сказал Алекс. – сетку «Б», наверное. Мы не настолько важные персоны, чтобы рассчитывать на большую честь.

Он включил канал и позволил тюнеру искать нужную информацию. Тюнер был достаточно интеллектуален, чтобы выбрать из плотной сетки подходящие ролики. Тюнер скрипел и попискивал, но без всякого результата.

– Ничего нет, – сказала она. – Они нас не ищут?

– Вряд ли. Я смотрел сетку «Б» несколько лет подряд, причем каждое утро. Я ее знаю наизусть. Они бы не могли пропустить наш случай. Этот канал как раз для таких как мы.

Что, если?..

Он потянулся к ручке настройки, но Лора перехватила его руку.

– Не надо.

– Что, если мы попали в сетку «А»? – он переключил тюнер и сразу нашел нужный ролик. Это были именно их лица, непохожие лица, искусно подправленные компьютером, так, чтобы они стали более жестокими, страшными, зверскими, безжалостными. Его подбородок на фотографии зарос трехдневной щетиной, черепная коробка сузилась, а челюсть раздвинулась и потяжелела. Узкие щелочки глубоко посаженных холодных глаз, упрямо и зло сжатые губы. Ее лицо стало лицом высохшей алкоголички с большим стажем. Ни один человек не узнает их по этим страшным картинкам, но это и не обязательно: фотографии подготовлены специально для милицейского сканера, которые имеется у каждого дежурного на улице. Сканер легко опознает оригинал в любом гриме. Здесь не поможет даже пластическая операция. Сканер запоминает все фотографии за последние десять лет. Это значит, что в ближайшие десять лет их могут остановить на любой улице, на любой дороге, на вокзале или в порту, где угодно. Информация шла бегущей строкой.

– Что это значит? – спросила Лора. – Тебя обвиняют в убийстве?

– Подожди! – он вчитывался в плавно бегущие строки. Как они могли узнать об этом именно сейчас?

– Но это все вранье, – сказала она.

– Нет.

– Нет?

– Нет. Это случилось полтора года назад, в магнитрейн.

Был самый конец пляжного сезона. Мы возвращались поздно вечером, и в вагоне никого не было. Пока не вошла та девчонка. Она была некрасивая, в очках, вообще никакая. Я бы ее не узнал, если бы сейчас увидел. Она под села к нам, потому что больше было не к кому. Человек человеку друг, приятель и родственник. Она общалась без комплексов. Она тоже была немножко под градусом. Мы собирались ее прогнать, но не прогнали, а стали разговаривать и забыли.

– Почему прогнать?

– Потому что она была некрасивая, я же сказал. А потом она сама стала приставать, и прижиматься, и строить глазки, и говорить всякое такое. Вот это было точно, а деталей я не помню.

– Что дальше?

– Когда дошло до дела, то есть, когда начали ее раздевать, она испугалась и сказала, что она несовершеннолетняя. Но так получилось, что она не смогла нас остановить. Без платья она выглядела уже и не так плохо. Пришлось связать ей руки ремнем. В конце концов ее убили и выбросили. А хуже всего то, что я не совсем помню, в чем была моя роль.

Лора выключила экран.

– В чем бы ни была твоя роль, а обвиняют именно тебя.

И меня, заметь, как твою сообщницу. Они утверждают, что я твоя верная подружка и наперсница. Молчишь?

– Это был не я.

– Я понимаю. Но это не меняет дела. То есть, меняет. Теперь мы серьезные преступники. И охотиться за нами будут по-другому. Надо удирать из этой машины. Если он используют спутник, мы пропали.

Каждый автомобиль имел код, который мог быть прочитан со спутника. Эта система исключительно надежно предохраняла машины от угона и позволяла найти любую машину в любой точке планеты, если, разве что, ее не спрячут в какой-нибудь глубокой пещере.

– Я думаю, они уже использовали спутник, – сказал Алекс. – они должны быть рядом.

– Зачем они это делают? В смысле, зачем выдумывают всякий бред? Даже если это убийство и было, оно не имеет никакого отношения к тому, что происходит сегодня.

– Станный вопрос. Сразу видно, что ты никогда не смотрела криминальный канал. Правильно? Они делают шоу. Шоу означает рекламу. Реклама означает деньги. Либо мы аккуратно сдадимся, либо нас застрелят в прямом эфире. Сразу же после длинной рекламной паузы. Что будем делать? Они не станут ловить нас сразу. Хорошая передача должна идти часа полтора. Наверное, они могли бы поймать нас уже давно. Но они охотятся не столько за нами, сколько за зрителями.

– Идем.

Парк был большим и старым. На востоке он соединялся с лесом, изрядно захламленным, но большим. В лесу можно было бы спрятаться, но наверняка этот выход перекрыли в первую очередь. Оставалось еще три выхода из парка и один из них центральный, очень широкий, шире, чем обыкновенная улица. Там обычно много людей. Там их тоже будут ждать.

– Я так понимаю, – сказала Лора, – что они должны дать нам уйти, а потом сесть нам на хвост.

– Что-то вроде этого. Они уже подготовили коридор, по которому будут нас гнать. Жертву всегда ловят или убивают уже за городом, в последнем шаге от спасения. Это как таймер на бомбе, который всегда остановится на последней секунде. В принципе, они обычно стараются направить погоню в сторону Сфинкса, но никто не хочет туда бежать.

– Почему?

– Потому что можно пройти Сфинкса, но все знают, что нельзя пройти Башню Спасения. Бесполезно даже и пытаться.

– Зато шоу будет крутым?

– Вот именно. Зрители просто воют от восторга, когда кто-то приходит к Сфинксу. Они транслируют этот вой как звуковое сопровождение. Я это видел всего два или три раза. Но это настоящее шоу, не подделка, никаких актеров.

– Понятно, – сказала Лора. – Сфинкс на юге. Значит, нам

на север.

Вскоре они заметили, что их снимают. Преследователи вели себя довольно ненавязчиво, молодые люди неопределенной наружности появлялись то там, то здесь, среди толпы, и направляли на них свои миниатюрные камеры. У северного выхода из парка проходило шоу эротических андроидов. Здесь же расположилась выставка модной книги. Сегодня здесь рекламировали две новые серии «Жизнь замечательных людей» и «Правдивая жизнь замечательных людей». Хитом была автобиография маньяка, убивавшего девочек и умершего недавно при появлении сгустка. В книге было полно качественных эротических фотографий самого маньяка и его жертв, причем каждая жертва была сфотографирована в нескольких позах и до и после удушения. Уже в первый день своего появления шедевр побил все рекорды продаж, отодвинув в тень даже туалетные сборники. Кроме биографий известных убийц, психопатов и уродов, серия включала правдивые исповеди самых несчастных женщин, брошенных, обманутых, истерзанных мужчинами и, в то же время, алчущих настоящей любви. Авторы гарантировали, что каждое слово книги – чистая правда, потому что иначе книги не раскупались. Было объявлен конкурс на самое несчастное сердце. «Поведай нам правду прямо сейчас, и еще одним писателем станет больше! Почувствуй себя женщиной! Почувствуй себя нужной!», – так гласил призывный лозунг.

Несколько несчастных женщин уже стояли в очереди, собираясь излить свои несчастья в микрофон.

– Посмотри, – сказала Лора, – кажется, началось. Теперь мы знамениты.

Они пытались пробиться сквозь толпу, которая внезапно стала слишком плотной. На трех больших экранах, расположенных вокруг книжной выставки, сейчас показывали одно и то же: двух убегающих людей. Окружающие толкали их, хватали за руки, крутили дули, показывали их камерам и зажигательно смеялись, когда видели на экранах свой, стократно увеличенный жест.

– Завтра ты сможешь купить книгу о небывалой погоне! – кричал ведущий. – Ее уже начали писать! Двое зверских преступников пробираются к северному выходу из парка. Возможно, им удастся оторваться от преследования. Но им никогда не оторваться от нас! Мы всегда рядом! Мы гарантируем достоверность каждого слова и каждой фотографии! Покупай книгу о последнем дне убийцы и грабительницы детских медицинских центров!

– Грабительница детских медицинских центров? – удивился Алекс. – Это о тебе?

– Потом расскажу, если успею.

Северный выход оказался перекрыт. Над головами вдруг просвистело несколько пуль, толпа завизжала от восторга и отхлынула; из-за деревьев, из-за ларьков и туалетных будок высовывались любопытные лица. Еще одна очередь сорвала

кору со старого дуба в метре от них. Кора взрывалась фонтанчиками, а звук был такой, будто вбивали гвозди пневматическим молотком. Они бросились бежать вдоль наружной стены. Стена была раскрашена: на ней рисовали и писали кто во что горазд.

Парк был огражден высокой, метров шесть, бетонной стеной, потому что в дни больших тусовок сюда пускали только по билетам. Любой пролом в стене или подкоп под ней означал бы большие потери для организаторов, поэтому стена всегда поддерживалась в отличном состоянии. Но вскоре они увидели приставленную к стене лестницу. Слева и справа от лестницы виднелась свеженаклеенная реклама: рекламировались путешествия к центру земли и часы, вмонтированные в глаз. Здесь же вывесили свежий бюллетень погоды на сегодня. С тех пор, как человечество овладело управлением погодой, погода на ближайшие дни выбиралась сетевым голосованием. Дожди шли редко и, в основном, по ночам.

– Стоп, – сказал он и сел на бордюр, задыхаясь. – Я больше не могу. Я никогда в жизни не бегал. Еще минута – и у меня будет инфаркт. Бежать не надо. Они же специально подготовили всю эту дорожку. Они нас все равно не застрелят, пока мы не добежим до самого конца.

– Или они нас застрелят, если шоу станет неинтересным. Надо продолжать двигаться, вставай!

– Мы полезем на стену?

– А у тебя есть другой вариант? – спросила она.

– Нет. Но рано или поздно мы должны свернуть с этой дорожки. Мы же знаем, куда она идет.

Они начали взбираться по узкой пластиковой лестнице, но та сгибалась и пружинила под весом двух человек. Ступени оказались слишком скользкими. Беглецы свалились в траву. Над их головами снова прощелкали пули.

– По одному! – закричал он. – ты первая!

Они взобрались на стену по очереди. С той стороны была примерно такая же лестница, но широкая деревянная. Нужно было спешить: отсюда, с высоты, было хорошо видно, как с обеих сторон приближаются вооруженные люди в одежде защитного цвета. Лора наступила на первую ступеньку и лестница рухнула под ее весом. Падая, она успела ухватиться за край стены.

– Помоги мне!

Он схватил ее за руку и помог подняться. Толщина стены была сантиметров пятнадцать, и на ней можно было вполне безопасно сидеть. Спрыгнуть на ту сторону было невозможно: мешали обломки деревянной лестницы; прыжок на эти бревна с такой высоты означал бы как минимум перелом обеих ног. Можно было бы проползти по стене вправо или влево, но, во-первых, на это не было времени, во-вторых, грунт и справа и слева был усыпан изрядным количеством разбитых бутылок, наверняка рассыпанных здесь специально. Но преследователи приближались.

Из под обломков лестницы торчал треножник с прикреп-

ленной на нем камерой. Камера продолжала снимать беглецов, снимать во всех деталях. Их разговоры записывались, их лица фотографировались для книжного хита, который выйдет уже завтра. Но под обломками было еще что-то?

– Что это? – спросила Лора.

– Похоже на мотоцикл. Они хотят, чтобы мы на него сели. Они хотят быструю погоню. Они знают, что я ходил в секцию мотоспорта, – сказал Алекс. – Но это было давно.

– Как мы спустимся?

– Остается один вариант. – Он с трудом встал, пошатываясь, на краю стены. Высота была небольшой, не такой уж большой, но он не привык к высоте, и поэтому у него кружилась голова и было странное чувство в области желудка. Особенное давление, подобное тому ощущению, которое ты испытываешь, когда тебе вскрывают живот под местным наркозом: безболезненное проникновение холодной смерти. Он постоял, ожидая, что это чувство пройдет, но оно не проходило, смерть проникала все дальше, она входила сквозь узкое пятно точно в центре живота и равномерно растекалась по всему телу. Когда он понял, что это не прекратится, то прыгнул.

Это был высокий дуб с длинными ветвями. Одна из ветвей была всего лишь на расстоянии человеческого роста от стены. Он схватился за нее и повис. Обхватил ветвь ногами, содрав кожу на щиколотках, и остался висеть вниз головой. Камера внизу повернулась, чтобы запечатлеть его испуган-

ное лицо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.